

Флуктуации

набросок #1

Дайте мне хорошего критика, и я переверну Пушкина –
говаривал внутренний голос;
но хоть бы один волос
упал с головы Пушкина.
Дайте мне трубку мира, и я зарюю топор войны –
говаривал старый курильщик;
но дети играли в войну, как обычно,
а он курил на завалинке Kent.
Дайте мне шанс, тысячу шансов,
знаки, приметы, реванши,
миллиардный карт-бланш –
возьми – отвечала смерть –
но с возвратом.

набросок #2

Промышленный дизайн,
шелушащийся кожей лесных пожаров,
нефтяное пятно бесконечной ночи на горизонте,
армия оловянных солдатиков в расплавленной топке
погребальных лент новостей,
излучение
рукотворных
черных дыр,
разъедающих мягкий мозг
демонстрантов –
весна выдыхает озоном
на робкую зелень твоей любви,
стирая границы и рамки
больного пространства.
Чувствуешь свет подснежников
в узорах ладони?
Бей, на здоровье,
в струны прозрачной реки.
Пей из источника смеха,
над собственной раной, эрос природы.

набросок #3

Год Дракона,
изрыгнувшего с кровью зимнее солнце,
обращенное
в загустевший янтарь января,
мечущее
лучи-снежинки в воздухе
новогоднем,
испокон назойливо,
нарочито елочно.

набросок #4

Шизофренический ритм
отбивает пустая луна,

бледная бестия, тишину,
словно разбавленный спирт,
заливает в прохладную глотку путаны,
спутавшей карты
командировочного,
для которого, за углом,
безостановочно
тикают нервы уличной поножовщины –
а моя малышка,
под шелковым одеялом,
видит цветные луга
и сердобольных ласточек в небе июня,
вышитом солнечными стишками.

набросок #5

Это больше похоже на сон,
где звучит саксофон
и интонации Бродского
броским ветром радиоточек,
а кошачьи зрачки
отражают движение по встречной,
просвечивая рентгеном
(словно радугой переведенных историй
с многоязычья дождя)
тетиву позвоночника.
Это больше похоже на жизнь после жизни,
в преломленном душами море
на исходе
дня.

набросок #6

Не надьшаться
кокаиновой дымкой
снеговорота
после декабрьской оттепели,
слякоти, сырости, серости,
сонности, сухости плоти
слов; не пересмотреть
клинопись черных протекторов
на белой лебяжьей земле,
где ветрено злое – чудесно
богато размахом пустых строк,
и грамоты на ледниковой коре –
протяженность гласных,
распев, распил, вой
северного сиянья.
Не надьшаться
поцелуями обмороженных губ
мне вне тебя.

набросок #7

Находил,
поглощая и даря,
затонувшие

в глубинах отвлеченных,
ноты.
Уходил,
обещая и безмолвно,
на верховья возвращения.
Полюбил,
не за что и про себя,
безусловно и условно,
лишь бы было.
Пережил,
как переплыл
недалече
одуванчиком по летнему эфиру.
Вот и сбылся,
прослезился
и забыл
до лучших дней, до новых встреч.

набросок #8

Вдохновение прячется в каждой вещи,
в каждой трещине
пространства-времени,
в словидениях,
в их волнообразных крючках
и струнах,
в воздухе,
насыщенном потом и дорогим парфюмом,
в нотах
ржавых замков и лакированных скрипок,
в мутной воде, где тают чашечки лилий,
в медитативной россыпи взгляда
цветов.
Дергай за ниточки
шторы тумана,
когда вдохновение прячется за каждой,
кажется,
потраченной зря буквой,
слушай простотечение
в точке пересечения
прошлого с будущим.
Всего то и надо.

набросок #9

Стихи, лившиеся из рога
золотой осени,
оборвала белая засуха
постной зимы.
Благодарность и низкий-низкий
поклон,
лицом в безысходность ночи.
Удовлетворение художника –
его смертельный
приговор –
говорит мне
непредвзятая интуиция,
прекрасно сокрытой строчкой.

набросок #10

В декорациях сумрачных ветров,
в гипнотизме практик любви
находил себя (свое),
преодолением,
ленно скользя по скалам
к вершинам сомнений
новых Америк.
Крича – мое!
Изобличая себя до
мяса, костей пустоты
межатомных клеток.

Флуктуации (от лат. fluctuatio – колебание), случайные отклонения наблюдаемых физических величин

Неотправленные письма

#1

Знаешь, милая,
лучшие ролевые игры –
это разлука.
Разлука –
это твоя душа, о которой,
можно только догадываться.
Спорим, милая,
наверняка, ты не знала, что в августе
в моем августе,
когда-то шел снег –
это та же душа,
засветилась вскользь,
тогда мне казалось, что она – облако.
А помнишь, мы пили на брудершафт
с полуденным ветром
на черноморских балконах,
от знакомства и до знакомства
в интерьерах конца
десятилетия
прошла одна тысяча восемьсот пять дней,
ты аккуратно их берегла,
знаешь, это чего-то стоит,
для той же памяти наших детей.
Помнишь, в начале зимы
ты загадала желание, потом упала звезда
весны
и обрела невинность в проступках.
Конечно же, помнишь,
я тоже – помню, даже если с капельку пьян,
ближе к вечерним сгусткам
задумчивых штор,
и если листаю листву в оконной раме
созерцательной лени.
Пролистай меня, милая,
тонкими пальцами с кольцами
серебра и дыма от сигарет,

так надо, для солнца
грибного дождя у подъезда,
где прежде встречались наши рассказы
о проведенной неделе
без...

#2

Прикоснуться
к теме дождя в твоих глазах,
к свободному плаванью
в лунной влаге травы,
к разбитым стеклам
цветных витражей заката,
прикоснуться
перебором жемчуга
неразлучных рук,
совершенством узора замерзшей воды.
Постой и прощай –
говорит сердце ветра
на кончике пламени –
дальше печали,
дальше разлуки...

#3

Пьяные потолки
от привкуса света свеч,
сверкающих на расплавленных блюдах
глаз, на кухне панельного дома,
забытого богом района, города, вечера,
соседствующего с лунной лимонной долькой в окне,
спроецированной на стол
под остатки коньячных рубинов
в ожерельях фужеров,
на которых твоя помада, мой
поцелуй, разбавленный ветром
замерзших роз,
сквозняком из коридора,
где небрежно скинута куртка,
шапка, ботинки, свитер
и тень уходящего дня,
дня добывшего свою дозу –
остановись мгновенья –
утром, смутно
мы все друг другу простим,
постскриптумом –
проветренный воздух
спальни...

#4

Она разливает по черепам
свинец переплавленных пуль,
пьет из них, с жадой пустытника,
помешивая осиным жалом,
заедает кусками тряпичной плоти,

нанизанными
на оголенные кости
чьи-то детей,
и все шлет, шлет, шлет письма,
с наградами и орденами,
в одном направлении,
за подписью генералов
смерти,
словно письма счастья...
Мама-War...

#5

Пару стопок – для храбрости,
пару строк – для хитрости,
в нескончаемой жалости
поискав самобытности,
вот, и привет,
вот, и здравствуй,
наконец написал,
сестра по несчастью,
январская снежить,
как глаза залил,
в глаза залив
январский иней,
илистый яд,
из погреба винного
погребальный обряд,
в строчку и в столбик
фонарного света
постного,
наперекос судьбе
мне и тебе...
Наотмашь, без подписи...

“Цветет луна в обрыве ночи...”

Цветет луна в обрыве ночи,
Как и огонь в твоём окне –
Не спит, впитав её источник,
Её тоску и холод стен.

Звенит безмолвие пространства,
Дымится сумрак черных вод,
Стекло размыто, беспристрастно,
На стенах – созерцанья лед.

На тишине – вуаль вопросов,
На лунной ветви – сердца плод,
Осколки снега ветер поздний
К открытым ранам глаз несёт.

Свирелью выжигает, скрипкой тянет
Подлунный взгляд оконных рифм,
Луна в овраге ночи вянет,
Как и агония молитв.

Глаза поят вином метели,

Ладонь ласкает вмерзший дождь,
И черной кошкой скрип у двери –
Ты помнишь, как любила ночь?

“Жизнь, обреченная на выживание – красота строки, вытянутой...”

Жизнь, обреченная на выживание –
Красота строки, вытянутой в стихотворение.
Жизнь, железно-жилистым жалом,
Животной жаждой, жвачным жжением
Вечножеланий, вечнопрощаний-прощений,
Такое хрупкое естество, и как будто, такая прирученная,
Но выпал снег и общественный транспорт ленно
Встал по обочинам перспектив, озвученных
Глупостью гордого городского.
Зло всмотришься – а за окном метелит туманность любви –
Уже не первые заморозки – но что с того,
Тому, кому не прикажешь, и только лови
Шишки на хвою опытных образцов.
Жизнь, несколько обесточенная, когда не выпался
От мятной чувственности, или горбушки свинцовой
Умозрительного ничто, кто что подберет, облизывая
Сухопарые губы, такая дружная, движная, душевная,
Рваная, резкая, рутинно-рвотная,
Нежная, нудная, нервно-натужная,
Вещая, влипшая, ветрено-вольная,
Долгоиграющая миниатюры, обреченные на придыхание,
На поиск Фалесовой истины и рыбную ловлю –
Строки, вытянутые из тени сомнений, страданием
Обо все на свете, осколочным эхом Бога,
Его, нищего от великих пустот созерцанья, обреченного на выживание
Мудростью пепельной седины,
А за всем, послестроцием – красота –
Ведь тоже маленькое желание,
Желание быть судьбой на облаке легкой любви.

“Белоснежным январским шелком она стелется...”

Белоснежным январским шелком
Она стелется в лунность постели,
От фарфоровых дней осколки
Растворяя в глазах метели.
Она ищет гармонию света,
Преломленного глубоководьем,
Взгляд – желанье, как в детстве, раздета,
Но от холода знания – бесплодна,
Но от холода рук – недвижима,
От мигреней в снотворном тонет,
Дарит мед, лишь страницам книжным,
Запивая кабацким ромом.
Застилая экранной лупой
Телефонные моноспектакли,
В белотонное зимнее утро,
Она дарит себе подарки,
Что вчера положила под елку,
А сегодня готова примерить,
Подойдет на цыпочках кротко –
Под оберткой – вскрытые вены.

One

Она дышит в сердце
глубиной слез.
Капельки пота
превращаются
в хрустальные лепестки
любви,
и ветер
опускается на плечи
мистической розой.

Поздно

И когда потушат свет,
останутся только следы
твоего дыханья
в теплом воздухе
под невесомым дождем
июльского неба,
и ночь засвидетельствует –
метаморфозы сна,
отражение луны в колодце
и золотистую прядь строки
из дневника умолчания.

Preuve de la poésie*

Долгоиграющая радуга
над умирающим летом –
любовь сильнее жизни.
Подтекст догорающего сердца
в расплывчатом объеме слов –
это,
и есть настоящая поэзия.
Доказательство поэзии –
научившиеся разочарованию,
претерпевшие страсть удовольствия,
обновление через болезнь,
и оставшиеся
сами собой –
слезы,
не потерявшие соль любви.

* – (фран.) доказательство поэзии

Пейзаж

На рассвете землисто-ягодном,
В затуманенном пекле холода,
Солнце выкатило глазные яблоки
На лесные горбатые копыя.

Как белье, простирало ветром,
Облака, до пружины судорг,

Холодеющим потом рассвета
Набухали холмов бледных груди.

И лебяжьей росой душило,
Свежесть света брела бродягой,
На стекле речных глаз застыла
Погребенная ливнем коряга.

На рассвете, увядшем в дыме
Одиноких полей и пашен,
Как кровавой слезой рябины,
Расписалась душа за пропащих.

Воздухоплаванье

Вот - ветер,
а вот - душа,
а вот - их созвучие
в аквамаринном листопаде,
на теплом песке обожженного солнцем берега -
и я снова умею летать,
или падать.
Выбор, как ветер.

Воображение

Мы лежим на пляже,
а вокруг проплывают любовные
многогранники звезд,
в одном из них - ты и я.
Так могло бы быть -
а значит, так было,
когда-то, во времена
планирования
бескровной Земли,
в воображении прошлого.

Развертка

Поля, поля, где ветер -
Прелюдия огня
Влюбленных и желающих
Остаться неизвестными,
И звезды, с глаз готовые сорваться,
И кровь течет рубиновым вином
Закатного соседства,
А утром умываться
В туман благословляет нежный звон
Росы с листка уставших губ,
Дразня речные струны.
До дна, до дна, где небеса уют
Связали пряжей лунной,
И руки,
Боящихся проснуться,
Только ждут,
Чтоб прикоснуться
К ветру, к пламени

Священных текстов проб-ошибок,
Под золото расшитых,
Под золото зари
В песочном жемчуге туманов
И воды,
Несущей под откос
Слезу весны лукавой.

Тема воздуха

Влажные от любви волосы
на обнаженном метафорами мясе повседневности.
Если ты ничего не поймешь, то знай –
что слова, тоже чувствуют боль и нежность,
но по-своему.
Наши рощи пьяны от стрекоз и пыльцы грехопадения.
Нитевидное солнце на крыльях бабочки – ее печаль.
Сердцебиение безутешности –
та же надежда. Веришь?
И в конце, нас ожидает прекрасный сон,
но она,
верит в перерождения.
Ночь в саду обливается маслом луны,
ускользающая, как и все слова, что я подарил ей,
как чернильный след на бумаге в ее руках...

Теплая кровь

Страхивая пепел сна
на рукав, занесенной снегом, январской дороги,
в декорациях утренней полутьмы, полусвета свеч
умирающих фонарей и беспокойных маршруток,
пообещай мне немного
тепла, немного озябшей любви, немного вечернего
чая на кухне за шторами разговоров,
текущих алмазной душой созерцанья, пообещай мне вечность
минуты в растаявшей капле инея
на отогретых губах в невесомом воздухе тишины,
прерываемой подслушанными молоточками сердцебиения,
пообещай мне любить, так же, как ненавидишь
отсутствие этого чувства.
Лапой львиной
нацарапанный на замерзшем стекле узор
нагадает тебе свидание,
повторяющиеся изо дня в день, откровенно
просто и глубоко, ночью длинной
выверенный сюжет преподнесет объятья метели
с моим отраженьем в кристалликах льда,
и мы снова пойдем, что нужны друг другу, для одиночества,
предвосхищающего ожог летнего солнцестояния,
определяющего туманный берег завтра, вчера и никогда.

Силовые линии

Чтобы согреться, но не растаять – нужна боль,
романс, спетый сорванным горлом в разряженном воздухе,
роза, выкованная из железа пустынной зари на приволье

слезящихся глаз, уставшего слуха и позднего понимания и смирения. Чтобы найти и не потерять – нужно уметь отпустить, нужно уметь принять чужую свободу, как собственный голос, учиться терпению у седых тополей и мрачных дубов вдоль дороги осенней, пропитанной солнцем разлук. Чтобы замерзнуть – нужно было иметь когда-то тепло, поэтому в самом сухом сердце найдется немного хвороста, искры и воздуха – лишь стоит сменить ракурс, пульс, место действия – и это не может не говорить о Боге. Чтобы писать – нужно забыть себя в себе на мертво-текущей осенней дороге, среди терпения тополей, дубов, хвой и огней догорающих листьев, непредвзятой пустыни ветра, нужно отдаться самой простой душе, вырезанной из облака пепельного цвета, света, метра и ленно грезить в осадок плывущего дня, сотканного по образу и подобию Слова. Чтобы любить – нужна, лишь малость, горсть, тонкокожая спичка, пылинка – этого хватит вполне, если жить от аванса и до зарплаты, в четырех стенах, под сквозняком голубиных крыш, но с Ней – крылатой мечтой из аквамарина и золота майской поэзии. Чтобы кто-то услышал – нужно уметь молчать; чтобы быть ближе – нужно держать дистанцию..Но на самом деле, “чтобы” – плохое начало дня и начало стихотворенья. Давайте тише, тише, где олово слова плавится в тишине – это и есть душа; тише – впиваются паузой стены в строку ручейка у меня в груди, тише, тише, о главном – нужно уметь прощать, чтобы простилась тебе – растрата звуков, растрата слов и четверостиший..

Дополни

Отчаянье – для надежды.
Поражение больше победы,
когда ты дополнишь мою ночь.
Одежда – такое непрочное
прикрытие.
Беседы – такое скучное ожидание
восхода твоей луны.
Воздух сиренью блуждает.
Волосы, словно волны в винной
чаше темнеющего океана.
Если хочешь, немного поспи,
а потом – я разбуду тебя таянием
снежно-бережных слов на подушке.
Тени деревьев в окне впитались в голые стены –
а значит, стены уже живые.
Ленная вязь сновидений кружит
аистом, валится пропастью, лопастью
сюрреализма режет реальность, забывшую жизнь
на грани любви и фолы,
на грани побега и места
без местожительства.
Отчаянье – это для голода –
разбудит без спроса
сердце –
для голода искренности

прикосновений –
падая в ноздри
геранью и розой,
наговорит
дыхание занавесок...

После

Она развязала мне руки, и я доверился
течению, чтоб оставаться самим собой, инерцией творчества.
Посмотрим, послесловие – лучшая чаша весов,
и мудрость ошибки – лучшая доля.
У зимы два лица – холод и радость от предвкушенья
тепла, не забывай об этом,
разливая одиночество по бокалам крещенской ночи.
Ты захотела рифму – я отправил тебя на рынок – тогда,
ты обвязала мои слова полевыми цветами – спасибо;
каждая татуировка на моей коже
превратилась в букву твоего имени,
двукратно прочтённую, как заклинание,
вырезанную неуловимой волной черноморского интермеццо;
но всякой красоте – своё время; мы уходим не попрощавшись,
срываясь протяжной наэлектризованной ноткой
лживой покорности обстоятельствам времени-места,
словно сентябрьские отголоски лета; у прозы – своя поэзия –
стихия стихов, истертая в тусклый столб пыли,
вросший нервом метели в голую землю.
Пустота – это не больно, это даже немного приятно
в январском сквозном эхе, среди застывших обочин,
каменно-снежных лепестков крыш и пощёчин хрустального воздуха;
пустота – это то, что всегда остается после –
но, до послесловия...

Минус двадцать по Цельсию

Минус двадцать по Цельсию,
у сугроба пригрелась тощая псина,
верно, творит молитву собачьему богу, вести
о лете блошином ловит ушами длинными,
рваными, раненной лапой дёргает
синеватый, оледенелый воздух –
чем-то родным веет в чём-то убогом –
все мы под богом, а у него – слёзы
с седых страниц, по морщинам тёплым,
там есть и море, и зимний закат, и пепел пустыни.
Дерево, кадром оконным встало, как вкопанное,
дерево жизни мёртвой скульптурой инея.
Минус двадцать по Цельсию,
на книжной полке чекушка – невольный
сосед Гомера, Шекспира и прочих местных,
облюбовавших пыль старины. Бездомный
взгляд в монитор, на метроном курсора,
на букворяд, на переливы маски лица
в остывшем кофе, и снова, на монитор –
за это время, что-то должно измениться и стать
частью большой истории,
под названием – существованье, или присутствие.
В минус двадцать – спокойнее,

чем, например, в минус три, чувствуется
собственная нагота, до застывшей губчатой пены костей,
собственное бессилие перед задумкой природы,
и вместе – величие от наличия в себе
этой величины, в сердце и априори.
В минус двадцать хочется стать шерстью
на гриве льва в африканской саванне.
Чёртов обогреватель, совсем не дышит, чёртов Цельсий,
и божественная литургия чистейшего неба, вставленного
в кадр окна с остекленевшим деревом жизни,
и жизнью одной псины, из рода юродивых.
Сейчас, как никогда, близки –
понимание времени, ускользящего во времени года,
упражняющего теплокровие
на растяжках резиновой ночи, нимбы кошачьих
зрачков по подвалам, звонкие парные в слове,
подвешенном в воздухе. Минус двадцать – не важно –
стучится пульс клубящегося шоссе –
перебираю клавиши, струны, бумажки, прищепки,
чашки, ложки, ленточки новостей,
собираю мозаику ощущений
для будущих поколений, по колено в снегу,
закалено, твёрдо, решительно, жалко –
на лету, на ходу, на бегу –
из любви, из надежд, из нужны, из-под палки.

Еще раз о поэте

Семь бед – один поэт,
в котором старый, добрый блюз – лучшее лекарство,
где уют – это, он сам, и когда, как по маслу –
к беде, но он, все читает Фауста,
и одними устами творит молитву и проклинаяет,
любит лезть и за это себя презирать натошак,
думая – для кого стихи, когда кругом одна проза;
он знает, что ничего не знает,
не роднит его с Сократом –
поэтому, локти искусаны, колени разбиты и розы
перебинтованы в сердце стократным
"прости и "живи, пока дают"...

Крупный план

Я стою на Земле, прихваченный
гвоздем гравитации, прикрытый
сэндвичем атмосферы, паутиной магнитного поля,
Земля вертится вокруг своей оси
и Солнца, идем дальше –
Солнце вращается вокруг центра галактики,
галактики разлетаются к чертовой матери
в бесконечность, до бесконечности плюс единица,
но не все ли равно, мне, ведь я – неподвижен,
я точка отсчета, сборки, и точка, я стою
на Земле – это и называется человеческим знанием –
хотите поспорить – тогда продолжайте стоять.
А вот, еще одна сцена, постукавшаяся
в продравшееся инеем стекло общественного
транспорта, вперемешку с рекламным клеем,

искусно подрезанной тканью сидений для инвалидов
и тесным дыханьем грузной соседки, соседа,
а если вдруг повезет, дребезжащим консервным вакуумом –
сцена утреннего ритуала, порой кажущегося,
воплощением наказания за грехи наши.
Что общего между этими двумя зарисовками?
А то, что первая обнаружила свое присутствие
в формате второй, просто так, не спросив,
упав беглым камешком с неба.
А, может, и нет никакой связи,
ибо связи на небесах – удел бесплотных –
что нам, смертным, сверенным с расписанием убогих маршруток,
идуших рулеткой по нищим задворкам –
не прибедняюсь, по видимости, оно так и надо,
интерес приходит во время движения в никуда...
И так, я стою на земле, промерзшей земле, под скрипом метели,
перебираю душой джазовый проигрыш, пробую
этот мир на вкус, цвет, запах, слух, на верю-не верю,
и говорю сам себе, обветренными, проспиртованными губами –
пробуй, даже если это достаточно глупо со стороны –
этим, как раз то и ценно, неповторимо;
набирая в легкие воздух,
на вдохе – ощущай свою не случайность,
выдыхая – скажи спасибо тому,
кому сочтешь необходимым –
человеку всегда видней, ведь он стоит на Земле.

Женщина

Ласковая, нежная строка,
Не смотри с укором в мои дали,
Где течет полночная река,
И луна-волчица зубы скалит,
Где покой – могильная плита,
А улыбка – пепел листопада,
Здесь своя, немая красота
В струнном вое северных обрядов.
Рифма, не ищи себе сестру,
Ритмика, не бейся в стон бараков,
Здесь гуляет слово на ветру,
Словообраз из случайных знаков.
Ласковая, нежная строка,
Раненый невинный ветер лилий,
Залети в мой край издалека,
Обведи прибором холм могильный,
Где растут холодные слова,
Тая, в женском сердце, словно иней,
От прочтения, от того, что та,
Знала, как любить и быть любимой.

Amore

Amore, amore –
А в сердце – кардиограмма моря...
Amore, amore –
А верное северному сиянию сердце
Вертится в барабане неба,
В серебристо-веснушечном астропульсе,

Линзе телескопической ночи...
Amore, amore -
И больше ни слова, не сна, ни приметы -
Лишь стук каблучков за дверью -
Любимая, это
Твое "ухожу", или вернусь на вечер
Из первопрестольной?
Возможно, где-то и "да",
А у меня - и "да", и "нет" -
Всего то, мое сердце,
Вслушанное, вписанное в подъездную вечность,
Лжет мне, любя,
Люто любясь разлукой и перспективой,
Семенем грусти и осмеяния...
Amore, amore - какие вести
С полей? Поля
Занесло февралем, белым морем,
Далеким цветистым илом
Северного сияния...

Проспать под диктовку снега

Февраль - блюз для гурманов -
судьба, предположившая жертвенность.
Моя нежность - пространство без точек опоры.
Какой же я настоящий? Теперь, наверно, не знаю -
все капризно-хрупко, непостоянно -
тоже мне, новость с хрустящей корочкой, открыл Америку -
задернул шторы,
ушел с головой под одеяло -
утро вечера...Но утром,
нашел себя в том же ключе -
стабильность мертвенной ткани -
за окном увидев, что-то похожее
на небо, на снег, на небо, на снег,
синусоидой пейзажной лирики,
какое-то ничейное небо, раскуренный снегом обморок,
подсмотрел себя - я - состояние
потерянного родства - зарубцевал, подытожил -
и тут же запил холодом, забыл, забросил за шкаф,
поближе к пыли и тараканам,
к сломанному будильнику-неврастенику.
Знаешь, еще слишком рано -
это февраль, голодный до цвета и запаха солнечных ванн -
это ветер, что забрался в рукав
и спит, свернувшись калачиком - спи и ты, вдохновение,
растерявшее форму, знаки
отличия и препинания -
уже поздно менять сновиденья
на скудный остывший завтрак.

Nerve

Ты почувствовала моё желание,
я почувствовал - твоё смущение.
Я спел: люби меня до последней капли росы,
на веере ресниц неверного утра;
до последней унции золота

во взгляде благоуханного среднелетнего полдня;
до последней частицы растаявшего
медного мёда на ладонях тепла;
до полной пустоты слов о нас,
как о разнице в этой вселенной дождя.
В крабовидной туманности снов раскачивалась
бригантина холода –
под одним одеялом
из, режущей глаз, белизны февраля,
запечатли на кончиках пальцев,
что любовь – больше ненависти,
инстинкта самосохранения и одиночества;
посмотри на меня так, чтобы я поверил,
не выжидая, не выжимая до корки сознания
краткосрочные смыслы,
не обжигая губы ложью во благо чего-то ещё.
Я спел, ты спала, в спальне горел свет,
растворяясь золой молчания
в пространстве глухих стен –
перемирие, на один глоток воздуха,
с девочкой, читающей книжки чужого опыта,
но, не знающей, собственной прописи сердца,
с девочкой, не жалеющей свои нервы,
обнимая дрожью воздух воспоминаний.
У неё ещё всё впереди, и всё уже было,
со мной, или без меня.
Смотри, не проспи свое "позавчера", девочка,
доведённая до любви отчаяньем,
печальная незабудка в скрижалях горькой травы;
и помни – что всё, имеет своё ничто,
когда научишься принимать
красоту греха с человеческим лицом.

Тому, кто всегда рядом

Смерть близкого, кажется такой далёкой,
потому, она всегда, так центростремительна, относительно боли.
Слёзы ранней, раненной родовым теплом, весны –
это тоже подобие смерти, смерти бескровного
во имя освобожденного духа цвета,
в израсходованном, замкнутом годовом цикле,
замкнутом на застывшем сиянии молочного савана,
в цепочке перерождений взгляда художника
за окнами старой квартиры.
Что я могу изменить? Только себя, но не свою природу.
Высшая степень мужества, сильному,
признать себя слабым и побеждённым –
там же – высшая степень мудрости.
Зима уходит в недалёкое прошлое,
чтобы пустить ледяные корни в моём сердце,
потерявшем ещё одну искру дольней свечи.
Вот и всё, прощай, прости, возвращайся памятью,
усталость скоро пройдет, пиши
мимолетными призраками на стенках камина,
не бойся, оборванное дыхание,
всего лишь волос на голове у бога.
Аминь.

Тихо

Тихо, как в новолуние, блюзово, как на окраине,
Пламя горит, у пламени – память согрелась. Туманное
Небо по окнам шляется, строчки ложатся в столбики,
Точки бегут в многоточия, а многоточья – в застолия.
Солнце плетётся к западу, запах мороза с улицы,
Помнишь, мы были когда-то...Больше, это не сбудется.
Сны до холодного пота, лодка раскаченных будней,
Дом, дорога, работа, дорога и вновь новолуние.
Тихо, как на могиле, у неизвестного имени,
У занесённой даты под фотографией в инее,
Где лепестки неживые, как тишины привратники,
И на ветру, нашивкой, ветвей рваное платье.

Иные следы

Осколки памяти любви –
мои книги – моё отчаянье.
Обезболивание сновидчеством –
поэзия не пишущих, но видящих, видящих иначе
медные колокольчики слов,
узоры междустрочий.
Я, словно песок на раскалённых дюнах пустыни,
о, душа – миф на мифе, жертвенный алтарь слов,
прекрасные раны восхода солнца на теле строки;
о, сердце, отдающее, не требующее ничего взамен,
и имеющее, поэтому, всё,
давай сделаем это красиво –
посадим цветы, рассыпав жемчуг в саду,
как когда-то бог-созерцатель рассыпал свет по земле...

Плавно

Гортань колодцев наполняется мелодикой луны,
Стопнулась ночь под северной звездой.
Даль сеет миллионы голосов в венозных реках ветра,
И я – привычкой к одиночеству – как к смерти –
Шепчу – проснись, так надо, это, только жизнь,
А будет что-то дальше и мудрей.
Лизнули звезды тишиной надтреснутый карниз,
Овилась тьмы вуаль вокруг ресниц,
Как тяжкая мечта, как вязкий клей,
И миллионы голосов слились в один каприз –
Найти себя в потоке серых будней;
Возможно, я и знаю, как, но я молчу, подобно камню,
Ведь сад камней никто не отменял.
Блеск отражения в колодце, тоже память,
Всмотрись в себя, там жизнь и смерть пируют,
А на окраине – любовь, как чья-то шаль,
Что, опадая, догорает звездной ночью,
Созвездия рисуют и сердца.

Одиннадцать дней

Стоит ли одно стихотворение
одиннадцатидневного чистилища?

Но ведь функция времени – очищение шелухи.
Я знал, это всегда жило во мне,
просто когда-то вы этого не прочли
за кислотно-лимонными газетными вырезками
наших бесед, наших обид,
жило подземным ключом,
старым документальным кадром мертвого сада,
просто вы этого когда-то не разглядели
за чёрной ширмой ресниц и ледяными губами,
ледяными от слов, брошенных вскользь,
в кротовые норы заполненных пауз.
Стоит ли одно стихотворение, одна фраза,
агонии обездвиженной плоти?
Стоит, когда на кону, просто,
ещё чьё-то желание жить и дышать
горным воздухом сновидений,
ароматом постгрозового вечера в малиновом облаке,
жажда смыть с себя поскорей этот город, эту печать
печали на крыльях грязного ворона,
город, надушенный разговорами
в общественном транспорте и у сальных прилавков.
Даже вещи имеют свою душу,
а человек? Он, не приставка
холодной вещественности (забавно,
до хрипоты, в заполненных свинцовой водой лёгких),
не падаль, цветущая от упоения разумом,
он болезненное и самоисцеляющее слово, он то, что нужно
смоляной, с проблесками огненных цветков,
вселенной, для ее же жизнеописания на полу-вдохе,
подглядывающий в глазок полу-мотив,
симбиотическая роза животного и сокровенного
в руке провидения,
творение глубоко несчастное,
но наделённое смыслом – быть,
быть отчаянной проповедью дороги.
Так стоит ли одно стихотворение...?

Резонанс

Она видит меня насквозь – ей так казалось, ей так хотелось.
Я подарил ей хрупкое ожерелье из слов,
оставив себе перерождение тишиной –
бальзам степного одиночества, уют пшеничного поля
под капельками летних звёзд.
Я вставал посередине ночи,
жег эти звезды, как свечи, читая в разводах
окна проклятых поэтов – не бессонница, нет –
что-то большее, чем все толкования снов.
Она прошла сквозь меня апрельским воздухом
шепчущихся скверов, люминесценцией беглых витрин и цветочных
ларьков. Я оставил ей тающий вечер и след
от дождя на губах, она подарила мне боль
осознания невозможности сделать её,
ещё счастливей. Я глотал рассветную горечь
захлопнутой двери – не разлука, нет – до встречи,
бабочкой пшеничного поля, опрокинувшей золотой ветер.

Церера

Аромат чернозёма, прохлада рощ, стройная змейка
Реки, несущаяся пастушьей свирелью, воздух,
Дымящийся плеском травы, напившейся солнца –
Я храню этот сон для тебя – так отведай
Вина из кувшина зари, печальная пленница
Своих слёз. Вот и облака белая ткань
Упала на плечи нежностью лотоса, вот и синей вуалью
Прикрыты глаза твои влажные – это небо вертится
На расстоянии поцелуя, будто бы имя тебе – дыхание невесомости –
Я храню этот сон для твоих писем,
Живущих под опущенным взглядом заснеженных штор.
Аромат розы, прохлада ладоней, хватающих солнце
Зимы за путеводные ниточки,
Минутная слабость ледяного сценария – горячий кофе,
Мягкая поступь свечи на обнажённом сердце,
Гимны Цереры венком сонетов в памяти летних призраков;
Я царапаю воду, я вырезаю воздух в черновиках снов
Для твоих мимолетных капризов, для твоего несбыточного...

Идиллия

Засыпающий парк, заходящее солнце
сгоревшей на блюдце бумажкой, рассыпавшейся
вечерним сумраком, словно апостол,
несущий благую весть в ниши глухих домов;
натянута паутиной душа разносчика снов,
топка угольных туч, случайное многоголосье окон;
тополя приглушенно танцуют, отягченный романс дубов
чарует локоны утомившихся проводов – троллейбус идет в депо.
А над всем этим водит ладонью старец седой,
и струится псалом в прилив городской волны. Черной тропой
мне выпадает черви – это голос преследует твой
мое возвращенье – это звездной водой
ржавую пыль волос мне омыло, и влюбленная ночь
к зрачкам приклеилась блеском, кутая
тонким сукном черепичные крыши, кроваво-кирпичные стены,
и мягко сворачиваясь кольцом
у твоего порога, где ей прислушиваться преданно-нервно
к созвучьям интимных шагов. Не стой
на ветру, простудишься, побереги наготу
и краску печали для утреннего чая
в хрустальной прохладе сквозных занавесок, я скоро буду,
тенью в твоих объятьях, верой слепой,
случаем сиюминутным.

Закадровый текст

Мое любимое времяпрепровождение –
заходящее, умирающее солнце.
Я всю жизнь учился умирать,
но так и не поверил в смерть.
Настоящая вера – полное одиночество,
для нее, даже одного желания – много.
Знаете, пока будет красота, боль
и надежда – будет и поэзия.
Мое любимое произведение – ночь.
Я всю жизнь всматривался в металлическую дымку созвездий,

но так и не поверил в неодушевленность материи.
Настоящая жизнь, точь-в-точь,
списана с воды, струящейся с камня потерь
и возвращений к одинокому, усталому свету в окне,
воды, хранящей память пущенных ко дну кораблей
и поднятого со дна млечного жемчуга.
Знаете, ведь море прекрасно и в шторм.
Я всю жизнь учился не верить
собственным глазам, чтобы видеть больше,
дальше, возможно честней и тоньше самой прозрачной лески,
обрываясь на полуслове, и падая в сердце
волной, разбившейся в стеклянный блеск звезд
о скалистый берег черного неба.
Знакомые слова не подходили не к одному
рожденному в сердце чувству.
О, узник заблуждений – кричало вдогонку
пособие для живущих, бережно отпечатанное
на железных масках друзей.
И все-таки, в узком, очень узком кругу безумцев,
в переливающемся театре заходящего солнца,
на обнаженных апельсиновым ветром крышах,
я снова встречал красоту, боль и надежду,
там, где ночь опускала крылья на землю
сиротливых глаз-светлячков,
и ожидание окрашивалось магически-ритуальной мглой,
чтобы свет в окне никогда не погас.

Идиллия II. Romantic

В твои следы закралась краска ночи
и запах свежескошенной травы.
Нам легким облаком парить по краю ветра,
и радугой катится под откос промокших крыш.
Слова, как фон, не больше, не честней, и лишь
источник нежности свечой нервной верен.
Твои глаза скрывают ночи тени,
гадая дальнюю дорогу и огни
далеких окон, где твои следы
песком смывало в пламя запада, волнением
воздуха носило по воде.
Я старше стал, но не душой, не сердцем, мне –
на время мудрость, пурпур розы – навсегда,
и радость вин у летнего огня,
и радость зим у очага твоих ладоней –
так больше, так честней, так безнадежней.
Твоё пространство майской вьюгой
надрывисто сплелось, и увенчали
берёз склонившиеся кисти, как колокольчиками волн,
прощальный поцелуй – мы будем друг для друга
нужней, когда сомкнет ресницы солнце,
и когда полным парусом луны
нас поглотит в свет одинокого причала.

Жребий

Был склонен к изучению языка порочных женщин,
Вдыхал лежалый снег, подать весну распоряжался,
И не желал любить в силу привычки, и душу продал августовским грозам,

И обладал свободою пропить талант, и когда рыжий вечер
В коробках спичечных домов палящим солнцем умывался,
А чаша улиц, забродившая людьми, скрывала его строки, его слёзы
На иглах ветра, насыщал страх страха и питался жаждой жажды;
Случайно брошенным словцом менял весь ход вещей,
Вынашиваемый тысячелетья. Что ему надо? Так ему и надо!
Лишь благородно бы сыграл...Прелюдии, этюды, всё не важно,
А важно, только смерти улыбнуться, жечь кремowych свечей
Тоскливый воск, и в топь крови марать бумагу,
С десятой музой переспав, и пухом с заголовков гор
Набить глаза, залить усталость тяжестью воды и светом
Из недр проклятья, нарядившись в буффонаду.
Был непреклонен в изученье боли,
Вдыхал осенний мрак, хранил объедки лета
В просоленном блокноте, и когда вечер кумачовым адом
Спускался на колени – умирал во сне,
Без страха и без жажды, лишь любя прохладу
Глубокой тишины тысячелетий.

Очертания

Блаженный яд любви –
прах, обратившийся рассветной маргариткой.
Предродовые муки женщины – строка,
проявленная болью – скрепленные в узор души слова.
Твои стеклянные глаза,
когда ты возвращаешься домой
глубокой полночью, разбитые о грязь и масло луж,
мерцали невидимкой по ветвям,
где бархатный мотив Синатры
навязчиво качался вслед огням,
таким же одиноким, как полмира,
когда тебе светило, даже тьмой,
где проще полюбить, чем ненавидеть,
когда изменишь себе раз – утратишь навсегда,
твои стеклянные глаза слезились черным цветом
ожидания, пророчествами моря и песка.
Туман оставленных гостиниц, однодневок городов,
мостов и мостовых, застывших без движенья,
и взгляд из-за плеча, какой-то ангельский, играющий с луною,
искомый в стольких, найденный в одной –
словно летит звезда –
противоядие от силы притяженья.

Вино

И нескончаемым тропическим дождём
Лилось до-ре-ми-фа-соль-ля-си-до,
Мажорная весенняя прохлада,
Лазурная любовь, фиалковые волны,
И вечер под вино
Из винограда De la France,
Импрессионистическую плавь ловила точка взгляда,
Песком Египта заносило её полночь
На острие звезды..

Сомкнулись тишиной сады, аллеи, парки,
Проспекты, улицы, дороги и бульвары,

От тишины родилась ночь в твоих глазах,
И приобщаясь к телу, в ночь плыла душа,
Как завещал Джон Донн, она ждала подарка,
Сосредоточено, отточено внимая
Немой, как мрамор, ноте, подвязав
Лазурную любовь, накинув шаль
Фиалковой волны в движеньях воздуха и слёз...

Трудились страсть, и слабость, сласть и сон,
Травили байки сумрачные окна.
Лазурная любовь, фиалковые волны –
Ты выходила обнаженной на балкон,
Курила, тонкой струйкой дыма приглашая
Весну в свой дом, застрявшую в дороге,
Шептала – Дионис – и руки бога
Касались твоих глаз, провозглашая
Дрожь...

Полуслова

Испытание скукой, испытание криком –
за спиной дышит время – посмеемся, забудем.
На полшага вперед обретай свою нежность,
для всего, что сокрыто
от изношенных будней –
там бесправна разлука, там неизвестны рассказы
об увядшем и пресном
в доле сиюминутной,
в доме без ожиданья.
Испытание скукой, испытание ложью –
если вместе – неважно, если вместе – на счастье,
с полуслова, честнее, безумней.
Горизонт беспризорный, остановки без цели –
проходили, пройдет; найдется – оставим.
У тебя есть секреты, у меня нет ответов –
но приметы цветами
раскидают, разбавив
заржавелую скуку, зиму сорванных связок,
благодарные строки –
в них июлем забудься.
Мне одно – вдохновенье
тебе вслед улыбнуться
поцелуем багряным
в толпе одинокой,
в галереях стеклянных –
обещаю беззвучно.
Поручителем – ласка
заходящего солнца с остывающей лавой
сентябрьских рощ,
ночь по правую руку
(тень постелет прохладу)
и сердце на блюде,
что кофейным узором гадает под дождь,
постучавшийся капелькой неба.

Лайт

Ночная музыка, она же – поэзия,

как вино наполняет сосуд души,
но как много готовых сопротивляться,
и тогда, я топлю в ладонях мартовский снег,
на котором кувшинками прорастает безмолвие,
словно твои слезы, при первой встрече,
после шести лет разлуки;
в их зеркальных осколках – твоя слабость,
бархат зимнего солнцестояния,
твое внешнее дыхание на лепестках розы,
твой голод, твои серебристые сонные волосы на подушке,
и твои истории, ведущие
летоисчисление ночной музыки.

Спираль

Ночь обретает повадки зверя
В мартовских идах, в мартовских льдах,
Тающих сквозняками под дверью,
Там, где травы прошлогодней прах
С уст обрывается, кружится вьюгой
Неба свинцового, тенью дрожащей.
Тихо за стенкой уснула подруга,
Зимняя мягкость, снежная чаша.
Что говорить, разговоры сжигаются
В тонны молчанья дорог перебитых,
Холод весенний под окнами шляется,
Значит дышу еще, горлом отлитым
Из недосказанных песен с грехами
Напополам, из усталых словечек,
Костью заточенных, и облаками,
Перерожденными в волков-овечек.

Спираль. Действие II

Ленное солнце в самом соку
Плесенью желтой на ставнях;
День набирает листву-высоту;
Вечер пылиться устало;
Ночь кочегарит чёрной смолой;
Утро вдребезги бьётся –
Время течёт синеглазой рекой,
Небом, лебедем звёздным,
Лижет глаза, подрезает тоской,
Сводит туманом бесценным.
Бедное счастье бредёт за тобой,
Ходит кругами, по венам
Гонит железо, желчь и вино,
Тянет резину дороги;
Тебе – остаться, уйти – всё равно,
Всё, лишь слова, одним словом.
Вот, ты в ночной укрываешься шёлк,
Прячешь глаза в тень деревьев,
Где каждый вздох зарёю продрог;
Вот на венчанье вечернем
Ты с одиночеством у алтаря,
Нежно кольшется воздух,
И в ленном солнце, комке янтаря,
Ищешь свой след – свои слёзы...

Contrasto

Седая прядь фонтана на летнем макияже,
И мраморной волны прохладная строка,
Флуоресцентный тюль на солнечных ветрах,
И кружева лазурных горных крыш, молочно-лунный пляж,
Коралловый закат –
Мне снится южный срез на бахrome дождя,
На мартовских полях
С забытыми под корку льда ручьями,
Среди гнилой травы, у пасмурного дна
Небесного, раскрашенного илом туч, колодца.

Весна

Что-то вышло из-под пера пернатое,
то ли птица, то ли слово,
то ли душа – свечи окурок – ждущая тишины
на распутье дождя, в ледяных корках марта,
где не хочется снов и ласки природы,
где тебе говорят – смерть, еще надо и заслужить...

Что-то вышло из-под пера, пора
золотая весеннего веста, вешней ветоши леса,
но разве не знали вы, золото – это кровь...

А в окне был задумчивый месяц,
и в его серебристом ковше
плавал мерцающий блеск Венеры,
и дымчатый кот на кресле,
смотря сквозь сумерки занавесок,
собирал в хрусталиках глаз тысячелетний песок,
вспоминая богиню Бастет...

Март. Coda

Нам пережить четвёртую весну –
на придыхании желтеющего снега,
в светотенях серо-сырых сугробов –
сказало, в ручеёк свитое, время,
и в Дельфы не ходи.
Погоды истерия, раскисшие ключи,
но ночь короче всё, а значит – и бессонница.
Я вышел в 7:00,
налив 100 грамм в зрачки
искристой пены солнца;
я для других ослеп – так прозревает сердце,
цепляя вечный голод
живой стихии, голос стихоподобных форм
любви – все признаки постзимнего расстройтва –
я не расстроился ни капли.
Овал весенней капли,
набухший тёплой кровью,
упал с карнизной планки,
и электрическое поле бирюзы
зажгло его бутоном фонаря.

Закончились слова, остался талый луч
на скулах льда, коре опрелой, складках
растрескавшихся губ, и чёрная печаль
в цветной обложке марта –
мемориал погрязших в скуке луж.
А ночь короче всё, и значит – не до сна,
у кофеино-никотиновой скрижали.

Неисповедимо

Как глуп был я в своей печали,
не ведая Твоей печати;
как слеп я в грусти был своей,
не зная света в тьме событий;
приростом времени без дела, я обесценивал дела
в огне вина, в чувствах вины.
Мой Страшный Суд – я сам – обитель
страданий собственных и зла,
таящегося, испокон, обратной стороной луны
в ночи души, ещё слепой,
еще младенческой, весенней...
Когда ж останусь я один,
наедине, в своей глуши
надежд бесплодных, снов бесплотных,
и огрузневшей тенью бледной,
с которой век от век грешить,
скользну по прошлому, по дну
замерзших рек, сухих колодцев,
когда Твой след-рубец найду
на горле в криках безутешных,
и смажу мёдом талым солнца
печаль зимы, и полюблю,
быть может плотью, плоть же к сердцу
вдруг приобщит Твоя рука –
очаг моих неслышных песен,
листвой дрожащих – вот тогда...
Но ты, тогда, как приговор,
опять уйдешь, уйдешь бесследно
метелью облачных созвездий,
далеким берегом чужим
за позвоночник горизонта,
за оком могильный гор;
а я останусь, вновь один,
не пойман, но, как пить дать – вор,
всё сею, жну, коплю и трачу,
всё жду, брожу, вяжу петлю
на шею неба, после плачу,
расплачиваясь в храм седин,
и где-то между строк, люблю,
люблю, как дьявол, наудачу.

Венок

весенний насморк
H2O простуда
я кошку в дом возьму от непогоды

я кошку в дом возьму от непогоды

и лунный свет в её глазах
мне будет солнцем мая

мне будет солнцем мая
музыкой янтарной
шептать огонь в камине

шептать огонь в камине
научился, когда я
поднёс ладоней лёд

поднёс ладоней лёд
к груди твоей
обжётся эхом вешним

обжётся эхом вешним
в мутных стеклах луж
взгляд дымчатого неба

взгляд дымчатого неба
посеял наготу
в растаявших аллеях

в растаявших аллеях
шарм любви
весенний насморк

Фон

Апрельский снег, как нервный срыв
прекраснейшей из женщин,
как жемчуг млечный, плач навзрыд
седого горизонта;
под белым золотом хранит
весна свои ланиты,
под белым саваном, как смерть,
воскресное безделье.
Не думай не о чём плохом –
всему своя надежда;
и бешеного сердца стук
и в горле ком –
всё радость –
слепая сладость на потом,
холодная небрежность
апрельских ветров, что плещом
связали слов беззвучье.

Каменный берег Сены

Изумрудная вена Сены, её каменный берег смотрит на город света,
отравленный модой любви и шансоном.
Мельница Мулен Руж перемальвает ночной воздух Парижа –
ночь, его второе имя, его сердечная мышца.
Зоб Триумфальной арки; скелетообразный Эйфелев гвоздь
вонзается в лобную кость в любой точке пространства;
призрачный запах масла и акварели с Монмартра;
в музейном саркофаге Лувра жует улыбку Мона Лиза, затертая до дыр,
икающая сотни раз на дне в проклятиях Леонардо;

разбросанный окрест позолоченный жир Версаля;
бродячий, как весенний лёд, фантом Бастилии; в фонтанах фонарей
тени Гюго, Золя, Пикассо, Ренуара, Паскаля, и Дега –
завеса дыма из страстей и пересудов;
готическая роза Нотр-Дама, двуглавым ящером в столетия рядится.
Учрежденный рыбаками,
с латыни – ты обычное болото,
со вкусом кофе на террасах и привкусом богемы;
Париж, и дирижабль синих небес плывет под твоим солнцем,
лаская зельем мифов ветреный рассудок...

Джем

I
Я буду сидеть и смотреть,
как прозрачный локон воды
падает с камня
нервом пастушьей свирели;
убийство желания –
равносильно его исполнению.

II
Меня пороли ветвью истины,
обвешанной листвой интерпретаций,
мне заливали раскаленный воск
грамматик и стилистик в глотку,
мне выжигали прутьями азы на коже;
но шрамы были – лишь мои.

III
Сухие яблони –
сады моего детства –
дороже, лишь смерть –
кобальтовый туман с парящих в вечности гор.

IV
Солнце капает
своим холодным ноябрьским блеском
через стекло;
нагота ветвей – душа моя;
голая промерзшая земля –
памятник одиночеству;
сколько не ищешь встреч –
за словами прячется,
неизменное – наедине.

V
Рай –
твоя невинность,
задета, уже одним существованием тебя
в голове будущего убийцы;
под смолянисто-аспидными складками платья
хрупкой девочки –
тротильный парадиз.

VI
Дрожь – физиология холода;
обогреватель не согревает,
но душит воздух;

окна -
отпечатки пальцев тусклого света;
стены -
аудитория ветра -
у них, тоже ведь есть уши;
следы - не оставлять -
бессмысленно, заметет зимнее время,
где философия -
остаточные явления чаепития.

VII

Издержки еще одного года -
луна удалилась от тела Земли на 4/100 метра
(если верить небесным механикам);
до встречи с Петром ($n - 1$) лет,
где n - прогнозы врачей;
опыт пополнил запас памяти боли;
оставлен на завтра -
тлеющий уголек любви.

VIII

Выпил кофе.
Выкурил сигарету.
На краю вселенной
взорвалась сверхновая.

IX

Вдох полнолиственной осени -
как гениальная вещь,
без возможности повторения -
искусство дышать красотой
в слепке мгновенной смерти;
выдох - взмах крыльев стервятника
над прахом
секундной стрелки.

X

Когда первый снег все чернее;
первая любовь -
все старше;
быстротечность времени -
расплата за жизненный опыт;
второе детство не за горами -
залечь на дно сути вещей
с личным апокалипсисом,
красиво расставшись с весной,
уходящей в туманность песка по-английски.

XI

Снег с дождем,
как обвинение в ереси,
как порванная киноплёнка неба,
как недописанная поэма опавших листьев;
ноябрь разводит тучи
и принимает в объятья горечь земли;
сквозь меня проходят минуты, часы, дни и недели -
обучаюсь душе созерцания
на обломках мокрого снега.

Белозеров

Туман сгущался, проникая
Морской волной в его глаза,
В холодный мрамор отраженья...

Пьяный ветер, вечер, свищет, ищет
Не покоя, созерцанья, отрицанья, примиренья...

Свет, что он оставил вдали,
Ночь, что приснилась арктическим эхом,
Солнце в капле росы...

Утренний горн, утренний смог,
Багровеет заря, зрячая до горизонта,
Домны не спят никогда...

Бесприютный угол мертвою петлею,
На порог с метелью падал день усталый...

Рассвет опадающих листьев,
Она была легче тумана...

Бился крылом оземь,
Песней ласкал ветер...

Между строк растерял свою память,
Между дел забегал на декабрьский чай...

Шепнув надломленной стрелой,
Смертельной раной стянет вечер...

Магнитуда. Трансперсональные формы

эквивалент молчания
мир черной луны
длинный конвой небесных солнц
соединения породы и океана
воздух из хлопка
стон крови, повторяющийся ежегодно
немое блаженство рождения
хлеб и кровь полевой пустыни
духи замков и деревень
отсутствие ясности, игры воображения
законы Бога Живого
красочные луга и поля из золота
кристаллы озер и лесов
своды снежных скульптур
линии гор, ветра, ветряные мельницы
глубокое дыхание в полях
непреодолимое желание дышать
стремление к необузданному духу
завеса слез
течение в сердце, разрывающееся на части
художник писал о любви и красоте
кисть дрожала, холст тянулся к кресту
теперь ты дикое существо
запах вдохновения в дождливых весенних болотах
чернила художника – липкая глина

море появлялось из грязи мертвой природы
кровотечение прикосновений художника
танец земли, течения и шторма на борту судна
слепки гниения мусора, эрозии церкви
водевиль в артериях горной воды
заросший храм неба
сегмент притяжения черного света
потоки эфирных танцев
исцеление красоты
стена мертвых глаз, растерявших пророчества
мембраной раствор неба в синей гуаши
раненый край солнца, вышитые луга
вакуум миров
в бездне прошлого, в бездне пыльцы
есть сажены – глубокая нежность
вечные слезы орошения
ключи от изобилия его работы
он работал для счастья
небесное озеро, косы заката
тщеславие пыли и сбора отходов
в устье спокойный ветер
тьма, непроходимый туман – остальной мир
правда в правую руку всемогущего часа
просто смотри на контуры мира
девственница восхищения
с развевающимися крыльями ангела
реализую свое совершенство
замороженный рассвет, калейдоскоп света
разнообразие голосов, текущих через утреннюю росу
отголоски восхода жаворонка
разговоры, где птицы будут поняты
возрождение солнца, бассейны весны
фотографии замерзшего снега
дыхание черной земли, купающейся в траве и меде
голубоватый свет грунтовых вод
розовый кожаный аромат, запах волос
однажды я слышал, художник, что ветер
очарованный мелодией
он пишет, опираясь на воздух, интуицию и молитву
сто тысяч свеч в растерзанной груди
сотни тысяч лет
губы ее дрожали
посланник любви летел через огонь и меч
спотыкаясь, он летел к краю
мы не видим его лица
не слышим надорванный шепот его музыки
он уходит в залив вечного царства грез
в тяжелый объем черной ночи
где нет звезд, просто пустыня льда, пузырь неба
и тишина висит над темной бездной, над редким стоном
и когда выглянуло солнце
он был похоронен в коридорах волны
преобразован в ростки одушевленной земли
толщину и мрак духа
скифские степи крови
я дал им имя – свобода
я оставил им слово в глубинах космоса и надежды
их ноги в воздухе, в заботах о пастбищах воздуха
хрупкая любовь и увечья, флейта и мягкая музыка
сердце плачет гитарным рифом оледенения

больше масла, чтобы лампы взлетели на воздух
к теплоте блаженству в груди вселенной

Нью-Йорк. Концентрат

Волны Атлантики, срезающие парус безмолвия, врезающиеся
в железобетонную пасть кубического чудовища,
в паутину Бруклинского моста,
в 463 станции кипящей подземки,
в продолговатый портал Бродвея, в плешь Центрального парка,
в аорту Пятой Аvenues, в воздушные замки Уолл Стрит,
в замороженное время Метрополитэн музея,
в старый Челси, в церковь святого Патрика, спрятавшуюся
в тени Рокфеллер центра,
в остров свободы с окаменевшим подобием свободы Делакруа,
в пьяный призрак Аллена Гинзбурга, разгуливающий по Гринвич-Виллидж,
в могильную пустошь башен торгового центра,
в красный кирпич отживших своё домов,
в тлеющий серым облаком пепел костров ирокезов,
в "Большое яблоко", скребущее небо
своим вавилонским жалом,
над одиноким сердцем солёного ветра...

Дерево

Вот дерево – в нём соки солнца, подземные ключи,
шёлк ветра, стойкость ста зимовок, ста перерождений –
теперь оно – листок бумаги
с отрывком чернильной у свечи
в подвале неизвестного поэта –
преемственность – когда поэт вдохнёт,
вернёт, нарежет
одну другую сотню слов ветвистых на плоскости молочной,
тогда природы память, труд и красота найдут
за этим всем, в какой-нибудь душе, очередное воплощение,
дымясь листвою осенней, обретут они,
как часто происходит, в горне смерти –
искристый отголосок новой жизни, и как бы, между прочим,
душа эта, в полночном созерцанье,
взгляд бросит за окно, где молодое дерево
под гнётом летних звёзд,
качается тростинкой, тенью музыки, миглом
летучих сновидений – красотой грядущей,
струной судьбы печальной в капле слёз
чернил ночных, разбавленных
подземными ключами
и воздухом влюбленных.

Всплеск

Погост сугробов с вешней тушью.
Непослушное сердце, ждущее боли.
Перешиваю стихами душу.
Лишь свет, как смерть, лишь вдохновенье,
лишь обострение неволи,
и боль свободы на мгновенье.

На женском теле бледной ночи
черчу желанье лунным светом –
овалы, линии и точки,
штрихи, изгибы, тени моря,
соединённые в рассвет
голодной плоти, плоти голой.

Ветвей разбрызганная краска.
Аллеей молчащая прохлада.
Листаю слабостью, как страстью,
дневник воды, поля апреля;
и период полураспада –
глоток вина, глоток вечерней

пурпурной, спелой мглы закатной,
вдох наслаждения бездельем
в постели ватно-неопрятной,
волос, на нежном сквозняке,
дрожь, будто всплеск листвы в аллеях;
и нерв весны – рука в руке.

Фристайл

Внутренняя пустота, обнаженная внешним блеском – обманчивый запах весны.
Выжидающий холод скучных скамеек, грязный снег на подошвах скверов –
моя вера, перелетная птица, ещё сильнее своим отчаяньем.
А счастье – это, когда ты понимаешь, что ты – счастлив;
счастье – в час по чайной ложке – слишком много для настоящей любви,
ведь наслаждение – другая боль; и я пью нектар одиночества с вешнего лепестка свечи –
бальзам забальзамированной философии жизни,
где в смерти желания – жизнь жалует новый плод наслаждения,
для подпитки новорожденной жажды, во имя страдания.
А по обочинам, ещё, кажется, дышит траурный цвет прошлогодней травы –
тоже была любовь – про себя, сыграю ей Баха, на память, по памяти
античных проветренных мхов и лишайников с запавших погостов.
Глоток горячего кофе, табачная аура, кошка в ногах –
вполне неплохо – играет Бах...
Вечный ветер, вечер метит, плетью – бесполезная трата мысли –
надо меньше писать, чтобы было, чего умолчать, стиснуть
тьмью душевной, оставить себе – в наказание...
Следом бесследно восходит ненависть ночи, о здание иносказаний
дождём разбивается сердце, провожаю северное черноокое облако,
проваливаясь в неподъемную легкость сна (есть ли сны после смерти?)
И под утро, когда надлежит опаздывать, где опоздание,
как признание ненадежности времени, под утренний побелочный смог,
я смогу рассказать себе, что-то большее, чем есть просто надежда и вера,
под утро, когда опалются первые розы в букете апрельского солнца,
и обманчивый запах весны переполнит чашу терпения.

Однотонный спектр слабеющего дня

Однотонный спектр слабеющего дня –
повторение пройденного –
здесь я, как я,
как пустота начала и конца,
заточенное в камень сердцебиенье.
Мёртвопльвущая ткань земли.
Где твои дети, весна?

Твоя душа, разлившаяся кошачьим "мяу"
у поверхностного натяжения луж
цвета грязного асфальта,
как художник смотрит в абстракцию берёз,
цветущих каплями влаги,
в Мафусаилов век замёрзших в танце звёзд,
в воздушный хлопок переменчивого неба,
в персиковую предвечернюю смоль,
в чёрный гранит ночных погребений,
в стихи на мокрых обоях,
написанные кем-то, кому-то, или... -
конец и начало ещё одной ветви времени -
кто искал здесь ненависти, того наказали любовью.
Свитки жрецов обещают назавтра -
многоточие с края обрыва
водной феерии.
Я дождался дождя и закрыл зонтик -
послышалось Дао -
акупунктура прозрачных волокон ливня,
личина туч, за которыми прячется радуга мая -
это твоя роза - разоблачённое солнце
в складках воздуха,
в однотонном спектре тающего рая.

Ворожба

В воздухе, переизбытком кислорода, весенняя истерия;
россыпью пешеходов ленная мина города -
пейзаж, застревающий в пробках, проулках и перекрёстках;
мираж, проплывающих, скомканных, лютней звенящих
облачных стай; точечный лай по дворам
с утра; отдышкой вздыблено-рыжее солнце над гроздьями
остановок, парковок, витрин, картин сиюминутности;
вперемешку с грубостью нежные вежды невежды дворняги.
Три капли души во фляге - до дна - жажда.
Лишь один бродяга никуда не спешит -
ему, и дня не жалко, счастливый, лежит,
загорает под напрашивающимся дождём.
Пиксели окон виснут в глубоком, внешне-матовом мареве;
валит грязь из-под колёс; падает вязь вопросов
до уровня дурноты - в долгий ящик;
перестрелки-звоночки влюбленных, горящих
ракушек-глаз, мотыльками пылятся в парках;
прелый воздух питает ветром нагую негу -
отраву, стерву, любимую, что тает в запрудах-ладонях лебедем;
накипело светом, блеском, лоском, лаской, астмой; отголоски Пасхи;
за маской апреля - нервный бриз сердца.
Снимаюсь сонно - встаю на карниз - цепляюсь за горизонт -
невесомость, синяя магла, белое пекло рассвета,
угрюмо-томная кома кровель, крон;
с листа, чистого, млечного, переписываю шёпот берёз;
всплеском лужиц подслушиваю Паганини.
Эфир разливается ионийским ладом, смехом,
свистом, прозрачными розами занавесок - помехи в эфире.
Весна, словно женщина, хорошеющая от слёз,
вырезанная из папье-маше грёзами маленькой феи,
ленной дланью подливает рому
в, сквозящие кислородным голодом,
улья надтреснутых стен,

в медное жерло-горло водосточного эха.
Воздушной тушью распущенных кос растопило небесный лёд,
растлило девственный ход ночного безвременья;
светает любовью любая ломаная дороги; под вечер, съехав
к обочине, смотрю наперед, люблю наперед,
ловлю неловко мгновенье разбитого в кровь горизонта;
старый тополь стопорит червоточину черно-зеленого ветра;
затянутый в петлю-рытвину город пылает полем вскрытых от спячки окон;
шорох звёзд, шёлк прогулок, шум вод, шлейф горчичного лунного света ...

Лепестки воды

Пахнет морским приливом – к дождю.
Между нами пропасть – один поцелуй.
Прикоснулось слово к губам и стало цветком.
В глубине зрачка – облачко перламутровой пыли
от вспорхнувшего бабочкой ветра.
Воспоминания – разводы неба
в отражениях глиняных луж;
дыхание – остывший туман на фризе.
Одинокая груша разбросала осколки ветвей
по паутине стекла – мне бы столько дорог.
Томик хайку согревает внимание –
словно печаль светлячка-фонаря в окне
кембрийского океана –
в ожидании сна у костра ночи,
наедине с разлукой.

Мгновенный снимок неба

Я пред усталостью в долгу –
она даёт вкус мимолётной смерти,
покуда камнегрудый город тенью мёртвой
лежит на моих веках,
и треплет ветер целлофан, застрявший в ветвях лип,
как сердца недокрытого пульсар,
болезненностью выброшенный в ночь;
пока скользит луна подтало сквозь венозность неба,
и губы сохнут от вчерашнего вина,
а плечи жмут коринфской колоннадой –
я оставляю взгляд, я остываю знать.
Я пред незнанием в долгу –
оно рождает глубину и свет,
свет мимолетной смерти мотылька,
секундной слабостью сроднившегося в беге
с летящею звездой, распятой в проводах.

Одно стихотворение

Я нашёл на пустыре брошенное, позабытое богом стихотворение,
изъеденное белой пылью и молью безмолвного февральского одиночества,
еле дышащее тонкой слезой не прочтения;
я взял дымящуюся крупицу его ветхих, пожелтевших слов,
пропустил через, заточенное об ночь, внимание сердца,
и оно распустилось, выдохнуло кувшинкой зимнего солнцестояния
на ладнях хрустального льда, словно свеча в храме –
живое пламя, облачающееся в сосуд человеческой плоти.

Вот оно – я услышал аромат полных змеиных трав,
увидел музыку, звенящую серебристой росой,
почувствовал прикосновение гремющей зари
на угольных кончиках ресниц, и краску остывающей
первозданной земли у источника всех поэм.

Бисер

Остаточный аромат поцелуя на приливной волне крыш.
Соломенным клубочком на коленях теплый лучик.
Блик солнечный ростком сквозь тьму зрачка.
За мутной смолой окон – янтарный воздух бездорожья.
Твои секреты – новолуния цветы,
колец древесных обручальные созвездья.
Разлившаяся лесотень на горлышке бутылки каплей хвои.
Апрель, холст, масло, пение ветвей –
шум-призрак кареглазых ангелочков.
Блеск губ перефразирует влюбленность.
И всё-таки, усталость – юное похмелье.
Подтаивает облачная грусть, дым васильковый
стелется благоуханьем наготы.
В меха вливая ночь, бессонница, как точка не возврата.
Свет добр, приглушенно-покорен, молчалив,
лишь слушай вскользь.
Невидимый песок, берег полноводной ночи –
расскажет больше, чем я мог себе простить.

Как спящий могильный камень

Как спящий могильный камень
Я замер в пространстве немом,
Листвой соскользнув с ночной раны,
Прорезавшись ртутной луной

В дороги иссохшее русло,
В прощальную тьму за калиткой;
И хрустом ветвей, словно грустью,
Наполнился шёпот молитвы.

Бездонная вьюга пустыни,
Узорчатый скрежет теней,
Ограды болотная тина,
И чёрные реки за ней.

Печаль – ты всегда вдохновенна;
Разлука – ты вечная степь;
И жизнь – только сердцебиенье,
И жизнь даёт шанс умереть...

Художник нарисует воздух

Художник нарисует воздух,
из воздуха родится –
дыхание, и чёрный голос воронья,
вещающий – дышать, что умирать,
но умирать с надеждой. Алмазной колесницей
прокатится зима по кремню глаз и высечет искру –

то гниль весны, то сырости печать
на запечатанном конверте солнца,
внутриутробного тепла горнило,
а значит, что-то в этом есть а, значит, что-то было..
Молочно-кислый месяц по утру,
прощаясь, растворит ещё одну печаль
для новых звёзд; бродячий всхлип эфира
подаст художнику на хлеб, на смерть, на продолжение банкета –
и сердце застучит ленивым блюзом.
Пролив вино, мазок рассвета
ударит в голову, и грустью
впитается в асфальтовый поток,
где отпечатки ног,
как буквы бесконечной Одиссеи.
Художник встанет, отряхнёт остатки сна,
размытой радугой рассеет
солёный бриз души, похмельной плоти вату,
глоток дрянной любви, и, если повезёт,
не просыпаться никогда,
не ждать весны холёной у прилавка,
у метража скрипучей двери,
опять сойдёт с ума, сойдется с душным ветром,
сойдёт за воздух, что вчера писал
дыханием надежды нежно-бледной ...

Остыло пламя запада

Остыло пламя запада, и черви ночи
прогрызли бреши звёзд на труп тишины.
Зарёю чёрной ворон вскинул очи –
очаг теней, свечу сырой земли.

Взмахнул крылом, осыпал реку пеплом,
над ядовито-лунною травой
рассеял сон, псалом души предсмертной,
и нежно опустился в чей-то дом.

Там был, возможно, я, или, ещё кто –
чужая жизнь, сворованная мной.
Шёлк ворона укрыл метелью окна,
и я шагнул покорно в плен ночной.

Я не жалел оставленного крова,
я стал рекой – земли хрустальной раной –
и корень взгляда в бронзе дна речного
пророс голубоглазым океаном.

Штриховка

Разбившейся на кусочки мутного света май,
на кусочки светопыли, преломившей красоту пустоты.
Осколочные ранения дождя, прошедшего накануне,
словно тонкая плоть клубящегося сладкого воздуха,
оттачивающая рассеянное внимание.
Утро, приправленное черно-белыми кадрами рассвета,
дрожащего на лепестке засыпающей розы ночи.
Раскрывшийся цветок неба, облетающий редкими облаками.
Пробившаяся зелёная мгла поглощает сквозняк влажных аллей.

Лезвие полуденной бритвы, вскрывающее остроконечные шпильки сосен.
Всё, что написано, не идёт ни в какое сравнение,
с тем, что-то умерло у тебя на руках в эту секунду,
с плачем потухшего тополя у молчаливых стен,
у запечатанной двери, где лето стучится горячей ватной метелью
и падает изумрудным прахом.
Звонки, бьющиеся ледяным пульсом;
гортань, обожженная безмолвием;
обрамление из табачного дыма,
скрученное узлом кольцевой остановки;
наполненные алкоголем, словно грудным молоком, губы,
порезанные о крик.
Сгущающиеся краски багрового солнца,
отравленные свежим майским ветром,
катящимся эхом по крышам;
еле уловимые песни, находящие пристанище на старом балконе,
в скрещенной паутине ладоней.
Кипящие кроны деревьев, веющие майским закатом;
травы, обволакивающие зыбучей мягкостью ноги;
нервные окончания жалюзи, захлопывающиеся,
будто потерявший сознание дневной свет;
безостановочный почерк воспламеняющейся листвы вдоль дороги.
Там, за тлеющим розовым горизонтом –
усталость и пепел на крыльях летучей мыши,
порванный провод дороги, искрящаяся красота тишины,
белоснежные волны души, цепляющиеся за горные кряжи.
Мыльная точка звезды на чужом небе, светящаяся поплавком –
священная искренняя слепота мгновенья
и бесконечная нежность сна...

Штриховка. Послесловие

Седая улыбка песка в молодой и невинной печали зеленой волны.
Ночь чарующе плыла смуглым блюзом луны,
морская соль оседала жемчугом на руках.
Любовь проникала в поры уснувших окон,
играла под звёздами оттенками прибрежного бархата.
Лиловый шар неба скрывал две тени,
застывшие пунктиром невыносимой надежды.
Чёрные лапы кипарисов освещали тьмой потускневшие шаги;
линии движений плавно перетекали в тёплый пейзаж;
в шёлковом покрывале взгляда нежились последние лучи
чуть видимого света серебристо-смоляной ряби воды;
разговоры терялись в монотонном плеске агатовых струн.
Ладья ночи причаливала к разорённому лаской одиночеству мрака.
Вечное созерцание наполняло душу мягким огнём.
Отшлифованные полночным ветром камни,
словно Врублевский "Демон", перетекали в мотив
глубочайшей неистойвой грусти,
где терпеливые скалы склоняли цветущее тело
над музыкой большого сердца, разрывающегося под тяжестью свободы;
потерявшие себя возвращались к неизбежному,
к поэзии перелётного воздуха вешнего Юга.
Блуждающая строка переливалась горным ручьём,
будто вулканическая активность глаз, преисполненная женственности
и страдания никогда не спящей любви.
Кровоток новорожденного отпечатка горизонта струился туманным "завтра",
перекликаясь с небрежностью оголённого пространства прилива.
Боль, это только, зимние цветы,

научившиеся любить весеннюю страсть и нежность.
Холодная пляска травы, шелест ядовитых кустарников,
беспросветная полоса другого берега скрывали мой разоблаченный голос.
Угольные чайки разносили память ночных искр от костра тишины.
Я прощался со своим отражением в чёрном оледеневшем небе,
пообещав ему столько же жизне-ночей.

Штриховка. Послесловие. El acorde final

Здесь было вечное похмелье, как синоним вечной поэзии.
Перламутровый рубец её губ на моей щеке напоминал
об умирающем солнце в медно-бронзовой чаше вечернего моря.
Медовые судороги полумесяца падали сахарной пудрой к ногам.
Лёгкая скатерть ночи расстилала ветреную вязь,
замешанную на аромате сладкого объятья.
Бледная тропинка извивалась ленточкой
ненавязчивого дождливого щебетания родников.
Мимолётные звуки разбегались соцветием волн.
В глубине, сияющих сумраком глаз,
отражался горбатый орнамент утёса.
Лилии рук приходили в движение
от малейшего дуновения прозрачного воздуха.
Чёрное око неба страстно подглядывало
за, текущим по берегу, легкомысленным многоголосием гальки.
Мерцающий парашют звёздной метели
накрывал пряное молчание сердца лета.
Остывающая прибрежная линия
тянулась замирающей симфонией серебра.
Я снова был здесь, снова нежная необходимость
сплеталась с паутиной девственной окраины взгляда...

Траектория тихого шума

Усталый от сумрака город смотрит в затылок,
запутавшийся в переплетении проводов и полуночных маршрутов;
тяжёлая мантия туч спадает на плечи, на гриву
ощетинившихся обочин. Я пропадаю в ласковом воздухе, в летучих
гроздьях сирени бреду наугад – кто подаст бедному страннику,
потерявшему всякий уют, всякую ясность пути.
Из такси выгоняют с хрустом дверного замка. Пряничный
вечер перетекает в неисправимую ночь, а впереди –
задыхающаяся в тумане свинцовая лунная фляжка.
Тот не писал стихов, кто не страдал – думаешь вскользь.
Перебитый асфальт, пыльные улья улочек, порванные рубашки
вырезанных подворотен. Тополя через пару недель пустятся в чад и насквозь
пробьют мои лёгкие летним снегом. Безответность, багровой стеной,
встает в разводах собственного отражения в лужах.
Опавшие в чёрное варево пальцы нащупают пепел ночной.
Кто-то кричит о бесполезности, кто-то считает, что ей-то, как раз, я и нужен.
Всё это сказки, а быть, лишь пыли белёсо-глухой глоток, да чума перекрёстков.
Звёзды большие раздвинули ширму, переодевшись в свет,
такой иллюзорный, холодно-родной, отдающий краской, известью –
я построил каркас, но плоть его – падаль и милая смерть.
Усталый от страха город боится своей же тени.
Время движется грузной материей в стрелках пустых циферблатов.
Я с трудом нахожу свой дом; дома – безмолвное пение;
я подпеваю тьме занавесок прокуренным горлом, чтобы только вернуться назад,
назад к окровавленной ленте цветущих аллей и запаху хмеля.

Приметы

Твоя нежность раскрылась в моей ладони цветком декабря –
вот он, пророс алебастровыми снежинками ледяных облаков.
Моя любовь – горящее по наитию пламя, вылитое, словно нагая заря,
раскаленной сталью на полотно-платье дорог,
освещенных импровизацией. Твоё сердце – мёд золотой, тающий под лучами
моих осколочных глаз, моих непрошенных губ.
Моя надежда – брошенная на задворки свеча,
ей бы лучше молчать, но она расплескала тени вокруг,
несмотря на уголь стен и углов, копоть рук и печаль,
распластавшуюся на полу. И это всё говорит о чём-то,
указующим в боль, радость, свет и мрачную даль
души, а значит, дышит, ведь жизнь есть дыхание, пусть и бессвязное, пусть втихомолку.
А потому, я говорю тебе: твоя нежность в моей ладони – холодный алмаз,
искра на небе осеннего звездопада, солнечный зайчик,
мелькнувший строкой неизвестной; моя любовь – слёзы сентябрьских глаз,
преломленные в пепельных окнах, открытая рана моря – и это всё, что-то значит
эхом мгновенья, а значит – это бессмертно.

Эхо

Глаза васильковой свежести, напоите меня дорогой,
напоите меня светом предзакатного хмеля, и криком,
что играет на гребнях сосен, что струится в тогах берёз,
что искрится ручьём в овраге, что звучит отголоском пшеницы
самых ясных и чистых уст. Веет дрожью с листвы-прохлады;
шаг – ожог на мраморе неба от упавшего солнца, и рядом
перелётные тени-птицы.
Пусть мне снится огонь летних слёз, ткань дождя,
и бессонницей звёздной, разорвавшей на пепел рубаху,
окрестятся следов многоточья;
пусть кольшется сердца дымок, самым чёрным полночным гостем;
я найду своё эхо в ущелье безнадежной любви и страха,
я пушу своё эхо гулять сквозь румяный и душный воздух –
лишь бы свежести васильковой до конца набить в память ночи,
лишь бы верить в припев свинцовый, что на шее ветром-удавкой..

Капля уюта

Воскресение. Май.
Семь утра. Сажу на балконе с кошкой.
Горьковато-лёгкий дымок сигареты.
Свежезаваренный кофе.
Новорожденная свечка солнца
бросает теплую рябь
в полушария сонных глаз.
Слушаю пение птиц,
ласкающих синюю
безнадежную даль.
Какая прекрасная
внутренняя
тишина.
Тонкой дрожью листвы
постучалась душа.
Спасибо за одиночество...

Тополь

Когда каждый скрип двери
отдаётся надеждой в грудной клетке,
а головокружение ветра – последним вздохом
чёрных, как степь, ресниц –
к тебе я писал безмолвные рифмы,
друг мой, тополь, шумящий закатом весны,
зенитом мая, грустью слов изумрудно-седых.
Помнишь, как мы читали с тобой молитвы,
сидя под капельницей пыльного полдня;
рамы оконной печать была твоею слезой,
пена твоей листвы лилась вечерней прохладой
в моих горячих глазах, сердце моё тобой
билось о воздуха край; ранило небо тебя –
я целовал его пух...

Прибрежная

Несбыточная мечта о море
в растрескавшемся граните
городских окраин
порхает бабочкой-невидимкой;
на её ультрамариновых крыльях –
золотисто-пурпурный прибой
вечернего солнца,
волнообразный рисунок
июньского сна
и точки глухих созвездий,
переливающиеся
прибрежным песком.
И это большее море –
море, ждущее
ночной слепоты,
селеновой женственности –
и это глубочайшая любовь –
любовь, потерявшая
всякую надежду...

Аллегро

Волной хрустальной
Носит парус по волнам,
Как танец бальный
Дьявольского бала,
И берег дальний,
Чёрных ветров храм,
Высматривает
Парус у причала.

На парусе горит
Маяк-звезда,
Отлитая из рифм –
Надрывных штормов,
И берег зрит,
С багрового креста,

На душу,
Превратившуюся в волны.

Июньская исповедь

Впитываю губкой глаз соки речные –
отжимаю душой полноводную радость.
Солнце – пшеничное поле, упавшее на голову;
луна – тенистый горный ручей в рукаве.
Календарик с домом у горного озера,
где я всегда хотел жить,
в левом кармане рубахи, под сердцем. И мне –
самому пророчить свою седину, и может,
проникнуть в суть страха, стать страхом,
оправданием зла – человеческой слабостью,
удачей, как производной дьявола,
волчьей кровью, выжженным сумраком,
и мне – окунуться во тьму человека, чтоб побороть его тьму,
и мне – подношение глубоких страданий – дар – выпью всё,
лишь бы в левом кармане рубахи, под пёрышком рдяным, бережно,
чутко, чуть слышно, жили – река, ручей, поле и солнечный улей –
производные пьяного неба, неба души июня.

Невидимка-утро

Тень от ограды на узенькой ленточке пешеходной части моста,
словно кожа зебры, словно жилистость жизни – словом, пробелом, снова словом,
золотом, грязью, алмазом, смолой, сколами руд, до горизонта,
где виднеется утренней свечкой маковка церкви
в дымящейся утренней свежести майского марева.
И я иду между строк, проросших берёзами, липами, хвоями,
тополями, осинами, вишнями, клёнами вдоль обочин,
расставляя знаки внимания, оставляя стихи за спиной, представляя себе себя
без нароста пыльных, будничных запахов, звуков, застав, зазубренных мыслей,
в пустоте тибетских шагреновых плоскогорий, угольным прахом,
рассеянным под молоком облаков в янтарно-каштановом штиле земли.
Тень от ограды на тесной полоске пешеходной тропинке моста
лихорадочно кружит, омытую юго-западным ветром, взъерошенную
электричеством ленного солнца, голову, отлитую
остаточными сновидениями, разбитую вдребезги взглядом на небо,
плывущего в унисон разлуке; а вдалеке, туманной портьерой молитвы –
темечко церкви и мерклая талость речки, илистым дном, тиной,
втягивающая городскую волну поточного шума.
И я делаю шаг, другой, между ветвей, отдающих моими словами, уединяющих взгляд,
собирающих болтовню случайных прохожих и фонарный бескровный свет,
закрепляясь целью, заикаясь лаской толпы, соприкасаясь
с тихой нотой вечернего отражения дня; и я делаю вдох, другой,
мысленно прыгая вниз, с моста, на мертво-серый холод асфальта,
проникая весенней водой сквозь каменный дёрн, и оказываюсь, опять на мосту.

Пропеть волны

Ночь...Лучшая поэзия – мурчание кошки,
свернувшейся клубочком под левым плечом, у застывшего,
лунным светом, сердца. Эта ночь – больше всех слов –
это время гремучей змеи, хозяйки пустыни, на коже которой,
отпечатались мягкие звёзды – кошачьи следы. Дорожки

и ручейки тусклых, шепчущих штор, вышитых
летним ветром – проводники строк,
брошенных ненароком чёрно-индиговой пеной моря,
кипящего любовью к стихам;
здесь лучшее четверостишие – забвенье, разделенное с горным
колодезным эхом, освещенное снежно-кофейным солнцем
в ледяной тишине одиночества.
Эту ночь – раствор несвязанных мыслей – спаяет в лиловый кристалл
любая деталь, скользнувшая в млечно-небесном горне
души, остывающей на подушечках кошачьих лап,
чтобы потом пропеть далёкие волны, любовь, свободно текущий воздух
псалмов, молитв, легенд и пророчеств.

Углекислота. Urban

С неба – невод сочно-синий
ловит летней лаской, лиц
хмурый хор, лениво-львиный
городской галдёж и свист.

Собирает брег бродяжий
стаи, своры пьяных псов;
ветер льется сальной сажей
значных заводских хлевов.

Узость улиц, плен пролётов,
шип шоссе, коробки крыш;
твоя тьма, твоё болото –
сердца склеп под маской мышц.

Я люблю лиловый вечер,
высекающий простор
для прохлады, кой просвечен
нерв нагой – болезный мор

пьяных псов, чей дрейф распутал
смерти сумрачный аванс.
Я люблю лавандой утра
узел молчаливых масс,

мозаичную могилу
ржавой роскоши дворов,
в небе мерой мрачно-винной –
плоти пыль, сухую кровь.

Солнцестояние

Из первозданной тьмы души я выполз, заново рожденный.
Я слышал во сне псалмы ассирийских царей и аккадские заклинания,
малайские заговоры и воскурения орфических гимнов Эллады –
так прозревала душа ночи.
И если бы я вернулся в прошлое, то, встретив себя, ещё совсем юного,
я бы сказал себе – ты, и так, всё знаешь.
Я проснулся, очищенный огненной влагой зари, оделся, вышел из дома,
погружаясь в изумрудно-прозрачную, молчаливую воду утренней океанической отмели,
сел в свой автобус, и поехал к серебристо-туманной элегии скользкого горизонта,
чтобы никогда не останавливаться.
Я смотрел в задымленные фрески душевных окон, на мультипликацию

придорожных губ, стрекочущих скороговорками первых прохожих,
гарево-доменной плёнкой травы, обугленной кожей деревьев и думал –
им же больно, этим липам, безжалостно вырезанным вдоль обочин;
и их боль – была моей болью, открытой раной земли в шафрановых залпах
июньского солнца,
моей, душистой от слёз, дождливо-лиственной тенью,
моим драгоценным даром кроваво-жёлтого солнцестояния, всепрощения...

Адажио

Адамантовый луч фонаря
Просочится сквозь шёлк занавески.
Хмель живой остывшего дня
Перламутром осядет в бокале.
И каштана ветвистый рахит
Тень отбросит ветреным всплеском,
Чтобы ночь прикрыла меня
Серебром дымящихся ставен.

Белозёрных звёзд лабиринт
В пасти чёрного левиафана.
Под сукровицей лунной молчит
Перетянутый плющ проводов.
И склонится ивой росток
Фитилька от свечи в стакане –
Это, просто, простилась душа,
Выходя за пределы стихов.

Декаданс

Желе шагреневое ляжек,
Обвисшее тряпье груди,
Зубов желтеющая каша,
И на подпевках хор бл...дей.

Она ласкает жадным жалом
Холодной плоти тленный мёд.
У впало-бледных глаз – скрижали,
В скрижaliaх срок – день, месяц, год.

Гнилой туман – дыханье девы,
На ржавых кудрях – мёртвый бриз.
Незванная, она среди первых.
Ей имя смерть; а может – жизнь...

Терции

Ветер разбился –
вздогнуло
сердце разлуки.

Золото вечера
травы смыкает
в камни молчанья.

Словно пожар,
всплеск горизонта –

тает закат.

Щедрость прощанья –
моя надежда,
тенью скользнёт.

Смуглые кроны
железного дуба –
ночь в его чреве.

В лунной воде
перепись звёзд –
жемчуг влюблённых.

Фесвитянин, из жителей Галаадских

в молчании кумиров
произнес:
не будет ни росы, ни влаги дождевой

а сам, пошел, остался у потока,
где вороны носили ему хлеб,
и из потока жажду утолял

поток иссяк, встал, преломляя ветвь
пути,
пришёл к воротам города, увидев одинокую
вдову,
и подозвав её, сказал: дай мне воды –
напьешься тем сполна

и говорил народу: я один – пророк

восстановив алтарь,
и положив дрова, тельца рассёк –
ниспал огонь, пожравши всеожженье,
дрова, и камни, прах, и воду рва

ешь, пей, уж слышен шум дождя

и снова уходил,
в пустыне, под кустом, хранили его сна
молитвы грозовые
прикосновенья ангельской десницы

там идолам воскуривали ладан,
и открывали всепрощенья боль...

Orange

дьявольский orange закатного шара
рдеет над ухом огненной сферой,
раненой ласточкой бьется кривая
горизонтальной дали; примерно

на расстоянии – дланью подать –
тёмное море, волны-сирены,
тенью сиреневой пенная рать,

гребней сапфировых рваные вены.

месяц заточенный режет равнин
облачно-карих, небесно-дремучих,
сумрак прожаренный, и исполин
влажный утёс отливается тучей.

бег сатанинский пляд и пожар
кедров кудрявых; с аллея-одинок,
в алых следах поцелуев, схирижаль -
течь многоточия ангельской ночи.

дьявольский orange закатного плена -
зеркало в зеркале, ленное лоно,
мясо созвездий, тело вселенной,
голая нежность галькой в ладони.

небо хребтом южной свечи
на расстоянии шёпота; снова,
искрой, летящей болидом в ночи,
вечно-прибитой к глазам астронома,

меня уносит с прибрежных штрихов,
губ рубиновых пыль развевая,
к жертвеннику, где рубин струит кровь
в дьявольский orange закатного края;

и на краю, обрезаясь о течь,
течь многоточия вечных проклятий,
я опускаюсь на дно, чтоб залечь
завтрашним светом, утренним ядом,

смолью термальных ключей и лучей,
сталью травы, переплавленной в август,
мёдом бёдер мулатки и чем-
то ещё, что в узел связалось,

узел морской; крестом и листом
чистым, как чайки меловый свист,
творю молитву твари пред сном,
боем приборя падая ниц.

Дождь в тебе

небесной влаги бирюза,
разорванная криком птицы -
так начинается гроза,
так продолжает свет клубиться -

дождливый светоч облаков.
процессия на миллион
столетий, душ, миров,
изъеденный огнём объем

земли, червивый корень
всех адских мук, беззвучный тлен
непетых песен, боли
учебный план, пустоты стен -

всё выльется дождём,
чей серебристый вал –
любви печальный гонг
в расколотого черепа бокал,

в зрачков ожог, в лакуны
выпавших волос, под сердце ледяное.
перебирая руны
затмения, читаешь в звоне

хрустальных вод – вопрос и безответность,
весны кроваво-дымный сгусток –
так надрывается бесцветность,
так зубки режутся искусства –

бит бытия – быть – не казаться,
плывя столетиями душ,
где грёзы мутью слов грозятся
в дождливых перлах первых луж.

о, неба влажные следы –
стихи в окне, пустые стены,
густая пустота воды
одной утопленной вселенной.

Адам и Ночь

смотри, бежит по чёрным венам,
по темнотруйной пустоте,
сплетённое пространство-время,
и радиус безмерности вращая,
гончарный круг ночного неба
хранит Адама глиняный сосуд,
чьи, плоть тепла и кровь живого света,
обожены, зачаты и отлиты
в столпах из водородной пыли,
и чья душа, грех первородный,
глотнувшая в ядре протозвезды,
творящей милостью луны,
есть заповедь единая ночная –
не убивай прекрасного,
и Евы яблочную сладость
познай во всем великолепье
нежной боли...

Летоизъявление

Интеллигентный пьяница июнь лизал сапфиры луж озёрных,
а город чахнул в солнечной пыли. Сплетались липы сетью малахитов;
плелись обугленные гребни облаков, на черепицу тяжестью дыханья
смотря с небесной мостовой. Шумели трав надорванные крылья,
и, жаром ветра приземленные, ложились под серп глухих подошв.
Сквозь ржаво-пепельный загар стреляли током грусть, и сухость, и усталость
полуоткрытых окон и дверей. Молчаньем рыбьим холодело
трамвайное кольцо зрачка; и, лишь пыльца дрожащая осталась
от бабочки рассветного эфира. Интеллигентный пьяница июнь,
стрекал горячим жалом по углам, пил ром в трактирах полдня тенью ватной,
а город плыл шафрановым затменьем, запоем многотонным вслух читая

унылые и бражные стихи, тонувшие осадками озёр,
порталами кирпично-нервной кладки.

Эспаньола

испанская душа:
глаза её – базальт,
и губы её – магма;
прилив её полей
под солнечной лозой –
как струн вино,
как купол млечно-звёздный
ночного сада;
и в сердце –
рёв корриды,
и сердце – нежность розы,
где мадригалом льётся неба свет,
и ждёт в тени оливы,
вечера, цикада...

Рассвечение

в тени моей печали
сидит паук июня,
плетёт слезу рассвета...
уйти бы на покой,
в келейность зорь лесных –
но не всегда, уйдя,
уходим мы навек...

волной свинцово-лунной
в туманное стекло
бросает утро ветер...
а за стеклом притих,
иконою безмолвной,
открывший глубину
своих пурпурных ран,
чуть сгорбленный рассвет...

в лучах его волос,
в последней тишине
его горячих губ –
застыло пробуждение...
и ветер на окне,
и лёгкий запах роз,
и утренней звезды
разлившаяся ртуть –
всё падает на грудь,
всё далью отдаёт
неотвратимых глаз,
не найденного слова...

Завтрак третьего тысячелетия н.э.

во мне звёздная пыль чёрного эха окраин неба;
во мне память Земли от цианобактерий до сложных форм жизни;
во мне тысячелетний дрейф тектонических плит и арктических льдов,

вулканический пепел дыханья ядра, перламутровый шёпот губ океана;
во мне желчная кровь Иуды и распятое сердце Христа, дневной свет и прилив
безнадежной ночи, рваный северный ветер и бархат южного бриза гаснущего горизонта.
а я смотрю на пустой мерцающий холодильник, цвета декабрьского грязного снега,
опуская в землистый истлевший колодец пепельницы последнюю сигарету,
нащупывая пальцами туманную ткань бессонницы, и мучительно думаю:
чего бы мне съесть сегодня на завтрак?
и это, так справедливо, Господи, что слышится музыка.

Птицы

Я люблю птиц:

длинноногого журавля с долговязой шеей и прямым копьевидным клювом
у заболоченных водоемов; тускло-глинистых жаворонков обнаженных степей,
полупустынь и лугов; аккорды и паузы стройных дроздов, подхваченные
лиственным лесом; тяжёлый полёт коренастого дятла, словно брошенное копьё;
кочующий огонёк рыжевато-кофейной сойки; фиолетово-металлический отлив
древнего ворона; гнездящуюся в уютных парках кроткую горлицу;
хищного ловчего сокола, на заостренном шпигеле скалы;
величественного орла, отбрасывающего царскую тень;
парящего тёмно-бурым облаком беркута, со стальными когтями и могучими лапами;
первого из певцов, соловья, в зарослях жимолости, черемухи и калины,
по берегам рек, ручьев, у лесных ключей и родников;
щелкающих на крышах аистов;
снегирей, принесенных в сады и огороды белым дыханьем зимы;
беспокойных звонкоголосых щеглов и их изящные гнёзда, одетые в мох,
лишайник, маленькие стебельки и мягкий растительный пух –
я люблю птиц, потому что – я не умею летать.

Caramel

А звёзды капают сурьмой,
под молибденовой луной,
в кристальный кварц реки.

На эбонитовых ветвях
клубится цинковый туман;
экслибрис следа моего
сокрыло в брильянтин
ночного света.

У акватории ночной,
как арабеска – знак бемоль
в глазури глаз печальных.

Тахикардия ветра, в даль,
слова несёт, дыханья шаль
на пульсе цефеид.

Ночь хризантемой расцвела,
как *grazioso*, как мила
дриад игра, и болеро
травы в ногах усталых.

Я ликтор тени, я схоласт
дорог из яшмы, свистопляс
безбрежных аберраций.

Здесь первых снов девятый вал,
здесь храм цикуты,
звон зеркал
надтреснутого сердца
вечной ночи.

Здесь взгляд медузы и муссон
дрожащих снов, зеркальный звон
глиссандо лунного, стеклом
абсцесс луны, сама луна,
совиных перьев росчерк.

За горизонт бросая взор,
цепляясь, цепенея тьмой,
зари восточной светляки
крошат искристый цедр.

А звёзды капают сурьмой
под вельзевуловой луной,
в лимфаузлы реки,
в юдоль,
где смолянистою канвой
ветвей прохлада реет.

Вслед

Шумящий июнем лес,
как горящий внутри алкоголь.
Слёзы, как кисти ольхи –
это воспоминания.
Воздух просит дождя,
но небо, капризно,
разбрызгало сок лазури
под облачным воском.

Турбулентность

расплывчатый оттиск стального сосца фонаря
в перламутре бензиновой лужи,
словно большое красное пятно Юпитера;
словно отверзшиеся уста дьявола
однородно расширяющейся вселенной,
всё вещество, которой, когда-то,
вмещалось в пространстве, меньше ногтя младенца –
там были и эти слова;
расплывчатый оттиск стального сосца фонаря
в перламутре бензиновой лужи,
словно миллион световых лет одиночества
в дрожащей капле мутного света;
словно безумие-безмолвие
изъеденного морщинами мудреца,
прилипшее к гортани
засахаренным мёдом;
словно обнажённая, новобрачная плоть
обжигающего соцветия предзакатного сада;
словно синий сквозняк, конденсат тишины
в душной оболочке городского лета,
где ни единым облачком не свито ущелье тени;

словно лучистые позвонки золотой
винтовой лестницы восходящего солнца;
словно многомерность костлявого листка клёна,
сорванного ангиной осеннего ветра;
словно строчки, выведенные воздушной игрой птиц,
эти строчки, чернильные ранки на белых хрустящих клеточках
(имеющий глаза, да увидит!);
словно сердце, распускающееся благоуханьем сирени
в объятьях весеннего равноденствия...

Диптих

Птицы ветра, сады тишины, безмолвие света,
листва одиночества...

Сегодня пил с Брамсом, Генделем,
Бахом, Моцартом, Врубелем, Босхом, Дюрером,
Тёрнером, Фростом, Катуллом, Боккаччо, Рембо...

Реки ветвей, зеркало ночи,
тень родников, прилив горизонта,
пробуждение губ, розочки звёзд, подошва крыла...

Верно, я, верный слушатель
в компании душ мертвецов,
живущих в живительном теле слуха, зрения, слова...

Первородная пыль, сосуд неба, стены вселенной,
ледяные руны, след воды, плен ладоней, луч августа,
залпы обочин, отмели крыш, гонг бокала, всплеск окон,
пожар всепрощанья...

Вращая время, краешком сердца раздуваю воздух в горне
молитвы, бережно тьму подгоняя
ожившим дыханьем незримого гостя,
его бессмертной печалью,
целебной печалью..

Амальгама

Не хочу записывать, запоминать – назови мне имя этого сна,
где уже не будет тебя и полночной грозы светляков,
где растает аллеей молчанья карусель фонарей, и душистое пламя огня
погасшей свечи разнесется дымом далёких окон. Вот любовь
вспорхнёт благовестом, и белёсый туман обдаст сквозняком на бездожде,
бард рассветный взойдёт на скалу, разорвёт ассонанс моих криков.
Вот надежда скользнёт неприметной тропой арлекина, и тоже
оставит приторный вкус амнезии. Соберутся анахореты у лика
святого, чей абрис, ещё одна звёздочка в топку души.
И амфир пробуждённого леса вскинет зелёным мрамором сосен
ветер болезнетворно-сладкий, баркаролу косматых вершин,
барханы зари на горизонте высохших слёз и вещей вопросов.

Гидра

Острая, пронизывающая боль, боль красоты
постдождливого воздуха вечера.

Бронзовая тишина, напоённая
буколиками сновидений.
Тени ночных галер-галерей под тонким слоем
воскового лица луны.
Чёрно-ванадиевое варьете, словно взвар взморья.
Вольфрамовый отблеск волн, втихомолку крадущийся
в гипноз глаз гурмана.
Былинка света, будто булат на старом валежнике.
Под власяницей лесной волынки –
вермут вольнолюбивого сердца.
Вискоза травы в воздухоплаванье лёгких.
Млечный вольтаж призрака василиска на звёздной брусчатке.
Рабство свободы, свободы-вахханки, свободы-весталки.
Я играю образами и словами,
или они играют со мной.

Записки на клочках летнего света

Раскрытые окна июля, смотрящие на полноводное небо;
сигаретный дым, словно ступенька кочевых облаков;
душа, запрятанная глубоко в страдании;
сладкое яблоко меркнувшего полдня,
пленяющего, как запах обнаженной женщины;
все краски мира в одном глотке свежего воздуха
узника умирающих стен –
вот истинное лицо истинной роскоши,
вдохновенное сердце печали.

Дактилоскопия

Дактилоскопически всматриваюсь в дно неба дальнозорким сердцем,
на горизонте: дары волхвов, дёготь ночи, декорации оставленных сновидений,
дельта стеклянных созвездий, денатураты дня, выжитые до корки двужильным временем,
молящийся дервиш-ветер, депозитарий оставленных женщин, невесть где...

Дерзновенный демон мысли, повитый дерюгой, нашёптывает десертом на ухо
о вдохновенной молитве молчанья, диагностируя смерть, как константу пространства
и времени, диагностируя хаос второго закона термодинамики; ласково,
на диалекте медвяной травы, веду диалог о природе любви в диапазоне – без слуха.

Дилижанс теней от ветвей проплывает в ногах, в диспропорции лунных морей
читаются лица древних богов, налегке детонирует воздух в лёгких, сокращая дистанцию
с небытием; дистиллирую покрывала ресниц диффузией листовых пальцев,
и закрываю дневник чёрного света ночи до новых встреч в дозорной глуши фонарей.

Изложница

Замшелым жгутом илисто-мглистые жилы дорог
расползлись по житнице полуночных дубрав.
Мельхиоровой зыбью, звёзды, с заводи из закваски
каменноугольной, смотрят в рукав

индиго-излучины. Разливает зефир кагор
по коронации зодиака. В зените – идеограмма
лунного изобилия, исповедальная каллиграфия
ментоловых трав. Короткометражная драма,

упавшего драхмой листка, заземляет
едко-чёрную жатву, замогильный жребий
камерных закоулков, клейко-кадмиевое кровопускание
селенового колье на капище ветра.

Тени друидов скользят келейной инъекцией
сквозь колоннады и канделябры деревьев.
Капилляры ночного каприччо пронзают
заболоченный слух, инкрустированный в сплетение

кариатид с квадриллионами кастаньет
из воздушного кашемира листвы.
Конденсация мысли, крапом, на теле криптоновой
ткани души – как сладко, какой консонанс, мы, будто, мертвы,

слышишь, духов капелла, и ирбис-шаман
крадется по извести звёзд, инкогнито,
ингаляцией светотени; мы, будто, интервьюеры
у квинтэссенции широководного

кинескопа неба, мы, колченогие. Вира! Вира...!
Туманной каймой летаргии встречных озёр-лампадок
исподволь интонирует мембрана прохлады.
Меридианы зрачков, раскаченных дыханьем лаванды,

малолюдьем, алеющими мадригалами горизонта,
превратились в золотиносный дымок,
земляничный иконостас запустения,
исступления, зарницу илисто-мглистых дорог.

Ночь транслирует звёзды, свет жонглирует тенью..
Пустая трата слов – сказало мне время
в долгоиграющей тишине –
и я решил исчерпать слова, но не краску краеугольных нот.
Пока молоко жизни не собьется в масло безвременья –
верьте, если умеете, а не умеете –
верьте вдвойне.

Толкование слов

дождь – точки на платье
точка – размерность смерти
смерть – шутка природы
деньги – деньги на ветер
море – ждали погоды
вена – змеиное логово
мера – порой пресечения
голос – скрипка для срыва
взгляд – отражение света
осень – в сердце поэта
голод – по стопке на брата
звезды – сказки в фольге
тень – скинуть одежду
джаз – осеннее солнце
вечность – воздух апреля
медь – закатное пламя
тушь – ночь на бумаге
камень – срез созерцанья
слезы – женская гавань

гавань – чайкой прощальной
мудрость – если бы к месту
нежность – женщины знают
рана – знать глубину бы
плавно – жми на курок
разум – грешное дело
плечи – было б взвалить что
свечи – снов бездорожье
ноты – шрамы гармоник
буквы – вскрытые вены
письма – привкус терпенья
берег – зал ожиданья
маска – моя насадка
ласка – редко, да метко
краски – в топку рассвета
дважды – что-то про реку
падал – все без соломы
тише – помехи в эфире
слово – Господу Богу

Стихотворения в прозе I

***

Ночь, милая, к Тебе, к Тебе, к туманной подсветке луны, к смолистой мгле тротуаров, к мягком

***

Запекшаяся оранжево-алой лучистой кровью дорога на запад, где тиховейным эхом в пещерах снов

***

Сонное пламя свечи проникало в эфир зрачка разноцветными точками уединенной комнаты, зачерпну

***

Мы можем больше! Слышишь, мы можем больше! Пусть клубится сапфирами и изумрудами море у ног
пусть беспечно капает солнечный пот по световодам деревьев и трав, пусть сомнамбулой бродит т

***

Ловлю лимонные брызги лета несостоявшимся сердцем моря, вкрадываясь с кромки обочины в пыльну

Стихотворения в прозе II

***

Утренняя летняя прохлада, врывающаяся в приоткрытую дверь, обволакивает повисшую в уголках гу
в размеренном ритме пустого сердца одиноко плещутся ветви старой груши, путаясь грузными бази

***

Ледяной ветер могильной пригородной тьмы собирает ночную пыль на остывшем шоссе. Он сидит оди

***

В бесконечном пространстве зрачка распускается розой августа, осенними бликами, несущими запа

***

И, наконец, приходит усталость. Ещё не смерть, но занесённое египетскими песками безразличие

Стихотворения в прозе III

***

Небо, поющие в тональности мирно спящих сосен, невод заброшенного за облака полночного взгляд

***

Грешные маки – твои уста; грешное солнце – в твоих волосах; грешные травы – твои глаза; грешн

***

Гранатовый вечер протяжно вберёт гитарную россыпь фламенко, жемчужный прибор разыграет искусн

***

Пой, жаворонок, пой о бессмертье души, о холодной пустыне василькового потолка человеческих г

***

Романтичный революционер, отвергнутый и распятый своими же братьями, в одном слове которого,

***

Пробуждение – великое чудо; подумай, в эту секунду, в мире, пока ты сонно растягивал утро, об